

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ О.В. Магировская
« ____ » _____ 2022 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА
БУДУЩЕГО: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

45.04.02 Лингвистика

45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант	_____	Д.А. Сергеева
Научный руководитель	_____	д-р филол. наук, проф. Н.Н. Казыдуб
Нормоконтролер	_____	Я.М. Янченко

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ.....	9
1.1. Моделирование как метод научного анализа.....	9
1.2. Когнитивные основы моделирования.....	14
1.2.1. Когнитивные модели: виды и содержательные характеристики.....	14
1.2.2. Образ в системе когнитивных моделей.....	19
1.3. Культурологические основы моделирования образа будущего.....	21
1.3.1. Взаимодействие языка и культуры как фактор моделирования образа.....	21
1.3.2. Культурно-ценностная природа репрезентации будущего.....	30
1.4. Политический дискурс как пространство моделирования образа будущего.....	35
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	42
ГЛАВА 2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ.....	44
2.1. Уровневая модель конструирования образа будущего в политическом дискурсе.....	44
2.2. Особенности моделирования образа будущего в российском политическом дискурсе.....	49
2.2.1. Особенности моделирования образа будущего в британском политическом дискурсе.....	60
2.2.2. Особенности моделирования образа будущего в немецком политическом дискурсе.....	73
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	91
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	95
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	105
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	107

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время накоплен определенный объем лингвистических знаний, рассматривающих формирование образов посредством коммуникативных стратегий, тактик, исследующих основные принципы воздействия на общество при помощи языковых средств. Несмотря на разнообразие исследований, касающихся вопросов формирования различных образов, универсальная теоретическая база по вопросам моделирования образа будущего отсутствует, в то время как образ будущего является распространенной темой дискурсов различного типа.

Данное диссертационное исследование рассматривает средства моделирования образа будущего посредством языка, на материале политического дискурса, воплощённого в речах политиков – представителей разных лингвокультур.

Актуальность проведенного исследования обусловлена высоким ориентирующим потенциалом образа будущего, включающего языковую личность в систему темпоральных координат. Данный факт обуславливает необходимость изучения образа будущего в разных языковых системах и дискурсивных актуализациях. Кроме того, образ будущего рассматривается как базовая составляющая человеческого и общественного сознания, что объясняет интерес лингвистов к изучению способов языковой репрезентации и компонентному содержанию данного образа. При изучении моделирования образа будущего в политическом дискурсе можно выявить, как политики прогнозируют будущее своей страны, проследить политический курс, ориентированный на будущее.

Объектом исследования является образ будущего, воплощенный в политическом дискурсе.

Предмет исследования составляют средства моделирования образа будущего в русском, английском и немецком языках.

Гипотеза исследования заключается в следующем: образ будущего

моделируется посредством языковых репрезентаций, воплощающих значимые для культуры аксиологические концепты.

Цель работы состоит в выявлении и описании комплекса языковых средств, моделирующих образ будущего в определенных культурных контекстах.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

1) выявить теоретико-методологические особенности моделирования образа будущего в лингвистическом аспекте;

2) обосновать влияние культурных факторов на формирование компонентного содержания образа будущего;

3) определить особенности политического дискурса, являющимися предпосылками для моделирования образа будущего;

4) выявить и системно описать уровни ориентирующего воздействия языка, на которых осуществляется моделирование образа будущего в каждой из рассматриваемых культур;

5) определить общие и культурно-специфические способы моделирования образа будущего на основе сопоставления рассматриваемых лингвокультур.

Материалом исследования послужили выступления политических деятелей России, Великобритании и Германии.

Единицами анализа являются лексемы, словосочетания и высказывания, актуализирующие образ будущего. Выбор политических деятелей, на материале речей которых проводилось исследование, связан, в первую очередь, с их ролью в сфере политики, продолжительностью политической деятельности и занимаемой должностью.

Теоретическую базу настоящей работы составили исследования, рассматривающие: моделирование как метод научного анализа и различные виды моделей: В.И. Беляев [Беляев, 2011], Н.Н. Болдырев [Болдырев, 2000], П.Н. Денисов [Денисов, 1965], А.И. Исенко [Исенко, 1996], В. Shore [Shore, 1998]; содержание образа, концепта и их компонентов: И.В. Арнольд

[Арнольд, 1981], О.В. Магировская [Магировская, 2008], D.R. Olson, E. Bialystok [Olson, Bialystok, 1982]; аксиологические культурные доминанты: А. Вежбицкая [Wierzbicka, 1997], Н.Н. Казыдуб [Казыдуб, 2020], В.И. Карасик [Культурные доминанты в языке, 2002], Ю.С. Степанов [Степанов, 1997]; функции, стратегии и тактики политического дискурса: Л.В. Куликова, Ю.И. Детинко [Детинко, Куликова, 2017], О.С. Иссерс [Иссерс, 2011], О.Л. Михалева [Михалева, 2009], А.П. Чудинов [Чудинов, 2003], Т.В. Шмелева [Шмелева, 1997], D. Graber [Graber, 1981], A. Judge [Judge, 1992]; ориентирующую функцию языка и уровни ориентирующего языкового воздействия: А.В. Кравченко [Кравченко, 2008], Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 2009], О.С. Худякова [Худякова, 2012], Е.В. Шевченко [Шевченко, 2018], Ж. Фоконье [Fauconnier, 1994].

Достоверность результатов исследования обеспечивается значительным корпусом материала и применением комплекса **научных методов** исследования проблемы. Основу методики исследования лингвистического моделирования образа будущего составляют следующие общенаучные: анализ, синтез, дедукция и индукция, и частнонаучные методы: дефиниционный, концептуальный, интерпретационный, дистрибутивный, лингвоаксиологический анализ.

Обозначенные выше методы лингвистического анализа позволяют выявить и изучить средства лингвистического моделирования образа будущего и получить достоверное знание, которое может служить основой для дальнейших исследований в данной области.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

- 1) выявлены особенности лингвистического моделирования образа будущего в русском, британском и немецком политических дискурсах;
- 2) разработаны основы уровневого анализа образа будущего в кросс-культурном аспекте;
- 3) образ будущего позиционирован в качестве дискурсообразующего для политического дискурса;

4) проанализированы образы будущего России, Великобритании и Германии в сопоставительном аспекте, выявлены их особенности.

В результате исследования образа будущего открываются новые перспективы создания теоретико-методологических оснований для изучения концептов, моделируемых в различных дискурсивных практиках.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит вклад в изучение проблемы моделирования образа будущего в кросс-культурном аспекте в части спецификации лингвистических средств, стратегий и тактик конструирования этого образа, а также открывает возможности для дальнейшего исследования и описания различных дискурсов.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов при разработке научной базы по вопросам лингвистического моделирования, а также в практике преподавания курсов по лингвострановедению, межкультурной коммуникации, социологии, футурологии, политологии. Предложенная уровневая методика исследования моделирования образа будущего и результаты данной работы могут быть использованы при изучении лингвистических моделей концептов в различных типах дискурса.

Апробация исследования. Материалы и результаты исследования обсуждались на II Международном форуме языков и культур (г. Красноярск, 2021 г.), на XIV Международной научно-исследовательской конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (г. Красноярск, 2022 г.). Промежуточные результаты исследования представлены также в публикации в международном информационно-аналитическом журнале «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык» (№2, 2022 г.), включенном в перечень ведущих российских рецензируемых научных журналов.

Структура диссертации. Поставленные цели, задачи и специфика исследования определили структуру данной работы. Магистерская

диссертация общим объемом в 108 страниц состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка теоретических источников, включающего 111 наименований, в том числе 31 источник на иностранных (английском и немецком) языках, списка использованных словарей, включающего 16 наименований, а также списка источников иллюстративного материала, включающего 13 наименований, в том числе 8 источников на иностранных (английском и немецком) языках.

Во Введении обосновывается выбор темы диссертационного исследования, ее актуальность, характеризуется степень изученности вопроса, обозначаются объект и предмет исследования, определяются цель и задачи работы, методы, применяемые в ходе исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, перечисляются источники, составившие теоретическую базу исследования, приводятся данные об апробации работы и ее структуре, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В Главе 1 «Теоретические основы моделирования образа будущего в кросс-культурном аспекте» изложены теоретические предпосылки исследования: рассматривается ряд ключевых вопросов (моделирование как метод научного познания, предназначение моделей, моделирование образа), анализируются основные теоретические понятия (модель, образ, политический дискурс, стратегии и тактики политического дискурса), сравниваются исследования разных авторов, приводится обзор работ по теме исследования. Обозначается потенциал политического дискурса в плане моделирования образа будущего, характеризуются культурно-специфические особенности восприятия категории времени.

В Главе 2 «Моделирование образа будущего в кросс-культурном аспекте» описывается алгоритм анализа политического дискурса согласно уровням ориентирующего воздействия языка. Данный алгоритм анализа разработан в рамках диссертационной работы с опорой на уже имеющиеся исследования. Анализируются фрагменты российского, британского

и немецкого политических дискурсов, выявляются средства и особенности моделирования образа будущего в каждой из рассматриваемых лингвокультур.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного анализа, их соотношение с общей целью и конкретными задачами, поставленными во введении, намечаются дальнейшие перспективы исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

1.1. Моделирование как метод научного анализа

В научных областях потребность в моделировании возникает в тех случаях, когда отсутствует возможность подвергнуть объект науки непосредственному наблюдению. Перед исследователем стоит задача выявить алгоритм, который бы трансформировал исходные данные в конечный результат. Поскольку данный процесс протекает внутри объекта и отследить осуществляемые изменения невозможно, необходимо создать образ объекта, основываясь на сопоставлении исходных и конечных данных. В таком случае можно говорить об аппроксимации или модели объекта, позволяющих осуществлять наблюдение за необходимыми для исследования преобразованиями. Под моделированием понимается исследование объектов познания при помощи их аналогов; построение и изучение моделей реально существующих предметов, явлений и конструируемых объектов с намерением определить и уточнить их параметры, рационализировать способы функционирования данных объектов [Большая российская энциклопедия, 2020]. Моделирование позволяет изучить явные свойства модели и распространить их на скрытые свойства объекта, а также перенести на реальный объект все выведенные для модели законы. Моделью можно назвать образ объекта, явления или процесса, который используется для замены оригинала. При конструировании модели важно учитывать наиболее существенные свойства прототипа, основные особенности его структуры. Методом познания, при котором создаются и изучаются модели, является моделирование.

В силу широкого применения моделей в различных науках, данное понятие многозначно. Благодаря моделям в нашем сознании конкретизируются представления о чём-либо, появляется возможность

подготовиться к изменениям и вероятным ситуациям [Беляев, 2011: 221].

В языкознании модель понимается как искусственно созданное в лингвистических целях устройство, реальное или мысленное, воспроизводящее или имитирующее своим поведением поведение другого устройства-оригинала [Булыгина, Крылов, 1990: 304]. Формирование моделей осуществляется по принципу от относительно примитивных к более содержательным, подробнее раскрывающим сущность языка [Марчук, 1985].

А.И. Исенко понимает под моделью мысленно или материально реализуемую систему, которая адекватно отражает объект исследования путем воспроизведения его специфических свойств и состояний [Исенко, 1996: 7]. Такой подход можно назвать общенаучным. П.Н. Денисов выделяет следующие, более применимые к лингвистике значения термина «модель»: модель как синтаксический рисунок фразы; модель как дедуктивная система; модель как вспомогательный язык, созданный для какой-либо специфической цели; модель как интерпретация формальной системы; модель как подобие предмета в каком-либо масштабе [Денисов, 1965]. Данные трактовки относятся к научным областям, в которых модели необходимы для достижения экспериментальных или теоретических целей. Однако, модели распространены не только в научных, но и культурных, социальных сферах жизни.

Культурные модели представляют собой способ организации культурных знаний и моделей поведения, наделяя каждую культуру своими отличительными чертами. Большинство представителей определенной культуры разделяет определенные культурные модели и связывает их с системой своих ценностей. Как правило, культурные модели усваиваются в готовом виде бессознательно и реализуются в артефактах культуры, традициях, в особенностях повседневного поведения; связаны с языком и лежат в основе семантики языковых единиц и выражений. Развитие личности является результатом социализации и инкультурации индивида. Социализация предполагает освоение определенных социальных норм

и ролей, а инкультурация, в свою очередь, подразумевает усвоение культурной модели, определяющей смысловую сторону жизни и формирующей психологические механизмы, этические установки личностного существования [Золкин, 2017].

Выделяют различные виды культурных моделей: по степени выраженности различают эксплицитные (ритуалы, игры) и имплицитные модели (особенности национального мироощущения); по обобщенности выделяют частные (модель вежливого поведения) и общие (модель просьбы); по способу реализации — языковые (детская считалка) и неязыковые (жесты). В соответствии с функционалом культурные модели разделяют на ориентирующие модели (термины родства), модели организации и выражения опыта (театр, классификации), модели, решающие практические задачи (рецепты, милостыня, приказ) [Shore, 1998].

Теории культурных моделей (или культурных скриптов) восходят к идеям В. фон Гумбольдта о взаимозависимости мышления, культуры и языка и исследуются в трудах многих лингвистов. Идея культурных моделей или скриптов А. Вежбицкой стала частью важного раздела прагматики — этнопрагматики. Благодаря простым формулировкам того, что оценивается в той или иной культуре как нечто позитивное или негавтивное, предотвращается возникновение стереотипов. Так, идеи А. Вежбицкой, касающиеся русского языка и культуры [Вежбицкая, 2002], где в позитивном ключе воспринимается, когда человек хочет, чтобы другие люди знали, что этот человек думает (или чувствует), помогают понять семантику русского слова «искренность», объясняют многие особенности русского стиля коммуникации. Среди таких особенностей выделяют чрезмерную, с точки зрения представителей многих западных культур открытость и недостаточную тактичность, прямолинейность и недостаток формального общения, во многих случаях свободное и неконтролируемое проявление эмоций, вступающее в противоречие с вежливостью, нормами западного этикета [Ларина, 2009; 2013].

Концептуальное моделирование позволяет структурно представить знания об исследуемой предметной области. Концептуальная модель как семантическая структурная модель предметной области отображает группы однородных объектов, связанных между собой определенными отношениями. Однородность объектов в данном случае понимается как наличие у них одинаковых свойств. Эти группы однородных объектов традиционно называют сущностями, концептами или понятиями. В общем смысле описание концептуальной модели содержит перечень взаимосвязанных понятий предметной области вместе с их свойствами и характеристиками. Для описания концептуальных моделей в основном используются графические средства (диаграммы «сущность-связь», концептуальные графы, решетки понятий) [Барсегян и др., 2008].

Многие современные исследователи подчеркивают важность концептуального моделирования. Концептуальная модель оценивает достоверность моделирования любой ситуации, которая не была явно проверена и определяет релевантность последующей детализации на основе математического, компьютерного и иных видов моделирования [Рассе, 2000]. Концептуальная модель формально не может быть воспроизведена только в рамках графического представления некоторой структуры проектируемой системы. Обязательной составляющей является описание на уровне определения используемых в модели понятий и связей между ними.

Одним из основных вопросов, исследуемых в рамках когнитивной лингвистики, является вопрос о способах концептуализации действительности и языковой репрезентации концептов. В качестве способа организации знания рассматривается пропозициональная модель или типовая пропозиция [Попова, Стернин, 2001: 72-74]. Пропозициональная модель позволяет представить некоторое концептуальное содержание как разветвленную структуру – набора предметных составляющих (участников, исполняющих определенные роли) и связывающих их отношений [Болдырев, 2000: 37].

Пропозициональная модель представляет собой структурную модель

(схему) предложения и отражает определенный тип ситуации, один из базовых классов отношений, выделенных человеческим сознанием на основе обобщения непосредственного физического, телесного опыта [Heine, 1997: 91]. В соответствии с имеющимися пропозициональными моделями систематизируются знания об окружающей действительности. Фрагмент картины мира представляется одним из базовых отношений, типовой ситуацией. Например, в том случае, когда один предмет воздействует на другой, когда этот предмет перемещается в пространстве или же он осуществляет такую деятельность, которая не направлена на какой-либо другой предмет. Из этого следует, что пропозициональные модели определяют элементы, их отличительные особенности и отношения между ними (например, пропозициональная модель, характеризующая знания о дожде будет включать в себя то, что под ним можно промокнуть). Выбор пропозициональной модели, согласно которой формируется представление о мире, основывается на сходстве между структурами типовой ситуации и данного фрагмента действительности. Механизм концептуализации в соответствии с пропозициональной моделью называется концептуальной метафорой [Lakoff, Johnson, 1980].

Таким образом, моделирование подразумевает конструирование образа исследуемых объектов, процессов или явлений, так называемого аналога, используемого в качестве заместителя. Аналог максимально приближен к объекту-оригиналу, но при этом он более ограничен в информационном отношении, чем прототип. Несмотря на эти дефициты, модель выступает инструментом определения, интерпретации, объяснения, уточнения и управления комплексом характеристик реального объекта в различных сферах и научных областях. Тем самым создается возможность изучить заданные в явном виде свойства модели, вместо тех свойств объекта, которые от нас скрыты, и затем отнести к оригиналу все характеристики, выведенные для модели.

1.2. Когнитивные основы моделирования

Описание моделей часто включает в себя термины «понятие», «концепт», «образ», которые в большинстве случаев могут восприниматься синонимичными и представлять трудность для разграничения и понимания их значений. В связи с этим, необходимо более детально изучить данные термины, дифференцировать их, прежде чем переходить непосредственно к изучению образа будущего.

1.2.1. Когнитивные модели: виды и содержательные характеристики

Термин «понятие» является одним из традиционных терминов лингвистической науки и активно используется в таких областях, как язык и мышление, структура словесного знака, овладение языком, невербальные формы мышления и т.п. Понятие является выражением языка, фиксирующим в мышлении отражение эмпирического или абстрактного объекта, выделяя его существенные свойства или отличительные признаки. Понятие закрепляет не только способ бытия какого-то предмета, но в то же время представляет его как объект мышления. Каждое понятие имеет своё смысловое содержание, которое составляет концепт [Гуманитарный портал, 2020].

Концепт – мыслительный образ, стоящий за языковым знаком, означаемое языкового знака. Семантическое пространство конкретного языка складывается из концептов, а по семантическому пространству можно судить о структуре знаний в их конкретно-национальном аспекте [Никишина, 2002].

В лингвистике принято разграничивать термины «понятие» и «концепт». Иногда понятие рассматривается как разновидность концепта, противоположная позиция заключается в определении концепта как разновидности понятия. Лингвистический энциклопедический словарь отражает первую точку зрения, определяя понятие как мысль, отражающей

в обобщённой форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений с одной стороны, а с другой, как грамматическую или семантическую категорию. Так, термин «понятие» может быть сопоставлен с термином «концепт» только во втором значении [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 383-384].

Понятие связано со знаковыми структурами языка, не зависит от акта общения и представлено совокупностью базовых познанных признаков объекта, созданной на основе систематичности знаний, как итог или отдельные аспекты познания. Концепт формируется речью, является воплощением содержательной стороны словесного знака, за которой стоит понятие; отображен ментальной единицей картины мира, содержащей языковые и культурные знания, представления, оценки. Понятие отображает мысль об определенном предмете или явлении, а концепт отражает идею, включающую не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки [Карасик, 2009: 5].

Сферу научного познания невозможно представить без понятий, которыми оперируют ученые в своих трудах. Понятия представляют собой фундамент работы, на котором базируются и теоретически подкрепляются гипотезы и тезисы.

При сопоставлении понятия и концепта «кошка», можно определить признаки, присущие понятию: животное, позвоночное, млекопитающее, живородящее, одомашненное. Концепт имеет меньшее количество компонентов: мяукает, ловит мышей, имеет когти, может поцарапать [Сусов, 2003]. Концепт обладает эмоционально-экспрессивной окраской и требует комплексных средств выражения: эмоций, симпатий, антипатий, в отличие от проходящего через индивидуальное сознание понятия [Путилина, Нестерова, 2014].

Концепт выступает посредником между словом и действительностью, выражает потенциал значения слова, включая при этом комплекс ассоциативных воображений. Значение является частью концепта,

представляющей узкое содержание, продуктом отражения предметов и явлений нашего сознания, выраженный внутренним смыслом структуры слова. Концепт представляется результатом когнитивного сознания человека, а значение продуктом языкового сознания. Значение (семема) образует концепт, но является лишь частью смыслового содержания концепта. Базовые концептуальные признаки могут быть переданы компонентами лексического значения, однако не в полном объеме, концепт является объемным по отношению к лексическому значению слова. Его структура гораздо сложнее и многограннее лексического значения слова.

Содержание концепта обусловлено когнитивными признаками значения. Само значение слова, состоящее из семем, репрезентирующих и представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта, также имеет когнитивный характер. Для того, чтобы интерпретировать содержание концепта необходимы многочисленные лексические единицы, значения слов [Попова, 2003].

Концепт и значение имеют когнитивную природу, однако лексическое значение является единицей семантического пространства языка, а концепт является единицей концептосферы. Различие концепта и денотата в том, что концепт обладает специфическими характеристиками, выходящими за рамки системы языка; от референта концепт отличается тем, что концепт представляет собой ментальные фрагменты картины мира и становится референтом лишь в процессе речевой соотнесенности [Коровина, 2010: 335].

До сих пор не существует единого мнения о том, какое из понятий («концепт» или «значение») является более широким. Одни лингвисты придерживаются идеи о том, что концепт является более широким понятием, чем лексическое значение [Карасик, 1997; Аскольдов, 1997], другая точка зрения заключается в том, что концепт соотносится с лексемой в одном из его значений [Лихачев, 1997; Москвин, 1997]. Большинство признает тот факт, что слово, являясь лишь небольшой частью концепта, со своими значениями представляется неким «ключом» к концепту, значения представляют часть

наших знаний о мире, а большинство этих знаний в нашем сознании представлены в виде различных мыслительных структур [Болдырев, 2001: 27]. Концепт связан с миром более тесно, чем отдельное значение, кроме того, он содержит в себе значения не только ключевого слова, но и других лексических единиц, вербализующих его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи.

В определении соотношения понятия с лексическим значением, важно подчеркнуть тот факт, что понятие у слова всегда одно, а значений может быть несколько. Понятие универсально для всего человечества, лексические значения обладают национальной спецификой. В формировании понятия принимают участие предмет и мышление, в формировании значения задействованы предмет, мышление и структура языка. Понятие рассматривается в системе логических отношений и форм, является предметом исследования как в языкознании, так и в логике, значение исследуется в системе языка [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 384].

В качестве когнитивных сущностей, концепты можно классифицировать по типам ментальных структур, моделей, с которыми они соотносятся и в рамках которых концепты осознаются, воспринимаются, моделируются. Фрейм, сценарий, скрипт являются способами представления знаний в концептосфере и взаимосвязаны.

Понятие «фрейм» было введено в 1974 г. американским ученым М. Минским, исследовавшим проблемы искусственного интеллекта и способы представления компьютерных знаний [Минский, 1979]. Основу теории фреймов составляет гипотеза о том, что знания о мире состоят из структурных ячеек, складываются из определенных сценариев с фиксированным набором стереотипных ситуаций – фреймов. Фрейм представляет собой сложное образование, упорядоченный способ хранения и переработки информации, обеспечивающий легкость операций с ней, например, ее извлечение. Процесс мышления человека основывается на наличии в его памяти каким-то образом

материализованного набора разнообразных фреймов, с помощью которых человек осознает зрительные образы (фреймы виртуальных образов), понимает слова (семантические фреймы), рассуждения или действия (фреймы-сценарии), повествования (фреймы-рассказы). Фрейм репрезентирует стереотипную ситуацию, отражая самые основные, наиболее характерные моменты ряда близких ситуаций, относящихся к одному классу.

Фрейм и сценарий как две когнитивные категории, находятся в тесной взаимосвязи. Сценарий является концептуальной структурой для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении [Баранов, 2007], Р.Шенк и Р.Абельсон описывают скрипты или сценарий привычных событий, например, посещение другого города или ресторана [Schank, Abelson, 1977]. По М. Минскому, фрейм является статичным образованием, сценарий – динамичным [Минский, 1979].

Сценарий состоит из ряда актов или эпизодов, каждый из которых, в свою очередь, разбивается на более дробные единицы, причем конкретное их значение может зависеть от культурных и социальных факторов. Сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова, а также идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, которые извлекаются из памяти на основе стандартных, стереотипных значений [Minsky, 1980: 16].

Другой вид фрейма – скрипт, описывающий привычные ситуации как стереотипные смены событий. Скрипт может определяться как набор ожиданий о том, что в воспринимаемой ситуации должно произойти дальше [Шенк, 1980: 7]. Многие жизненные ситуации можно интерпретировать так, будто участники этих ситуаций играют свою роль, заложенную в сценарии. Жизненный опыт означает знание того, как поступить в конкретных стереотипных ситуациях и как в них будут вести себя другие, такое знание называется скриптом.

Таким образом, термин «понятие» можно интерпретировать как определение предмета, дефиницию, которая производится мышлением через

указание ближайшего рода и его видового отличия, базовые признаки предмета.

На современном этапе развития научной мысли отдается предпочтение термину «концепт». Несмотря на то, что в сущности эти термины близки, принципиальная разница между ними заключается в том, что концепт помимо основных признаков предмета включает в себя оценки, представления, любые знания о рассматриваемом предмете. Следовательно, термин «концепт» охватывает более широкую область познания.

1.2.2. Образ в системе когнитивных моделей

Образ можно интерпретировать как мыслительное образование, существующее параллельно с концептами. Создание образа объекта является производной от общей когнитивной способности человека к кодированию и сохранению различных типов информации, что в свою очередь не только не исключает наличие знаний как информации об объекте (явный признак концепта), но и предполагает их [Olson, Bialystok 1982: 124].

В философии образ считается результатом и идеальной формой отражения предметов и явлений материального мира в человеческом сознании. В искусстве образ определяется обобщенным художественным отражением действительности, имеющим форму конкретного индивидуального явления. Образом в повседневной жизни является живое, наглядное представление о каком-либо человеке или предмете [Ожегов, Шведова, 1995: 427].

В современной лингвистике под образом понимается следующее: образ как тип знака, обнаруживающий сходство со своим объектом; образ как внутренний (в отличие от внешнего) эмпирический объект, или перцепция, то есть возникающий в воображении человека при восприятии языкового знака; образ в гносеологическом смысле отражает в языке знания и представления человека об окружающем мире.

Важнейшее свойство образа состоит в отражении мира в процессе его практического созидания, представление модели действительности, воплощающую полученную из действительности информацию в новой сущности [Арнольд, 1981: 73]. Следовательно, образ представляется результатом восприятия и понимания мира.

В рамках речемыслительного процесса формируется языковой образ, он вступает в новые ассоциативные отношения в речевом дискурсе, необходимые для языкового моделирования определенного явления, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений.

Образ является наглядным представлением о каком-либо феномене, факте действительности, представляет собой результат визуально-ценностного восприятия человеком окружающего мира. Образность, в свою очередь, рассматривается как способность лексемы отразить образное видение действительности. Основой лексической образности является способность слова обозначать один предмет в ассоциативной связи с другим.

Чувственно воспринимаемый образ наблюдаемого предмета или явления можно охарактеризовать следующими когнитивными свойствами: основу формирования ядра концепта составляет логический компонент знания, включающий в себя конкретно-образные характеристики предмета или явления. Ядро концепта можно представить в виде движения мысли от наглядного восприятия и представления отражаемого предмета к его сущностному познанию. Конкретная чувственная основа восприятия эксплицирует тот факт, что в процессе когнитивной деятельности формируются конкретные концепты [Магировская, 2008].

Поскольку язык является главным средством реализации мысли, он не позволяет исследователю увидеть его механизмы непосредственно в действии. Это вынуждает лингвиста строить образ объекта, выдвигать гипотезу о его возможном устройстве и делать прогнозы на основе сопоставления исходных и конечных данных.

Будущее является одной из отвлеченных, неосязаемых категорий

и фундаментальной частью человеческого сознания. Временной горизонт современного общества определяется будущим и наполнено ожиданиями итогов определенных событий. Данным фактом объясняется важность моделирования образа будущего для формирования более широкого представления об этой категории, планирования возможных результатов, достижения намеченных целей.

1.3. Культурологические основы моделирования образа будущего

В последнее время культурному анализу уделяется все больше внимания, в связи с чем он начинает занимать центральную позицию в гуманитарных науках. Важной чертой исследований в данной области является их междисциплинарный характер, новые идеи, материалы можно извлечь посредством изучения антропологии, литературной критики, политической философии, религиоведения, истории культуры и когнитивной психологии. Что касается лингвистики, можно связать новое мышление, характерное для современных социологических исследований культуры, с глубиной интереса, проявляемого к вопросам языка. Культурологический анализ может также получать важные новые данные из лингвистики, в частности из лингвистической семантики [Wuthnow, 1992].

1.3.1. Взаимодействие языка и культуры как фактор моделирования образа

Роль лингвистики при анализе культуры рассматривалась Эдвардом Сепиром, который считал язык символическим руководством к культуре, а словарь показателем культуры народа, подчеркивая при этом стратегическое значение лингвистики для методологии социальных наук [Sapir, 1986].

Жизнь общества и лексическая составляющая языка тесно связаны между собой. Это в равной мере относится как к внешним, так и к внутренним

аспектам жизни. Очевидным примером из материальной, видимой сферы жизни являются лексические единицы, обозначающие различные блюда, продукты. Такие слова могут рассказать о пищевых привычках рассматриваемых культур. О существовании специфических для языка названий особых видов предметов (видимых и осязаемых, как еда) знают даже люди, говорящие только на одном языке. Как правило, к этой категории относятся блюда национальной кухни, названия которых в других языках транслитерируются. Например, «щи» в русском языке, «fish and chips» в английском, «der Strudel» в немецком. С точки зрения человека, говорящего на другом языке, эти концепты представляют собой нечто необычное, возможно даже экзотическое, однако носители культуры не увидят в этом ничего непривычного и выдающегося.

Широко известно также существование различных обычаев и социальных институтов, объединений и сообществ, которые имеют специфические названия и черты в конкретном языке. В каком-то смысле может показаться, что слова с особыми, культурно-специфическими значениями отражают и передают не только образ жизни, характерный для данного общества, но и образ мышления носителей культуры.

Например, слово «братство» в русском языке имеет несколько значений: содружество, основанное на общности целей, взглядов, принципов. К братству также могут относиться люди, объединенные общей целью, общим делом, общими интересами, это может быть религиозная община [Ефремова, 2000]. Английское слово «brotherhood» означает родственную связь между братьями, а также ассоциацию или сообщество людей, связанных общими интересами, религией или профессией [Oxford Languages, 2020]. Что касается немецкого языка, слово «Bruderschaft» также обозначает общину, члены которой называют друг друга «братьями» и преследуют общие интересы. Другое значение – пить на брудершафт, закреплять дружбу особым застольным обрядом [Duden – Die deutsche Sprache. Wörterbuch in drei Bänden, 2013].

Обратившись к словарям, можно узнать, как в определенном языке,

культуре воспринимается конкретный концепт. Благодаря информативной функции словарей, представляется возможным увидеть, как трактуется будущее в русском, английском и немецком языках. Для дефиниционного анализа лексемы «будущее» было отобрано пять толковых словарей для каждого рассматриваемого языка-культуры: русского, английского и немецкого. Сравнение дефиниций в перечисленных языках представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Дефиниционный анализ лексемы «будущее»

Русский язык (будущее)	Английский язык (future)	Немецкий язык (die Zukunft)
<p>Будущее – ср.</p> <p>1. Период времени, который последует за настоящим; предстоящие события;</p> <p>2. Дальнейшая судьба, участь, карьера [Кузнецов, 1998].</p>	<p>future – noun (time to come)</p> <p>the future</p> <p>1. a period of time that is to come</p> <p>2. the form of a verb that you use when talking about something that will happen or exist</p> <p>3. what will happen to someone or something in the time that is to come</p> <p>4. the chance of continuing success or existence for something</p> <p>5. used at the beginning or end of a sentence in which there is a decision about a plan of action or a warning [Cambridge Learner's Dictionary, 2012].</p>	<p>Zukunft, die – Substantiv, feminin</p> <p>1. Zeit, die noch bevorsteht, die noch nicht da ist;</p> <p>2. die erst kommende oder künftige Zeit (und das in ihr zu Erwartende)</p> <p>3. jemandes persönliches, zukünftiges Leben;</p> <p>4. Zeitform, die ein zukünftiges Geschehen ausdrückt; Futur [Duden – Die deutsche Sprache. Wörterbuch in drei Bänden, 2013].</p>
<p>Будущее – ср.</p> <p>1. Период времени, который последует за настоящим.</p> <p>2. Предстоящие события.</p> <p>3. Дальнейшая судьба, участь кого-л., чего-л. [Ефремова, 2000].</p>	<p>future</p> <p>1. the time that follows the present time</p> <p>2. events that have not yet taken place</p> <p>3. the opportunity for someone to develop, exist or succeed [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2007].</p>	<p>Zukunft</p> <p>1. Zeit, die kommen wird, Zeitraum nach dem gegenwärtigen Zeitpunkt</p> <p>2. lässt eine günstige Entwicklung erwarten, ist erfolgversprechend</p> <p>3. künftiger Lebensweg eines Menschen [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, 2020].</p>

Русский язык (будущее)	Английский язык (future)	Немецкий язык (die Zukunft)
<p>Будущее, -его, ср Время, не совпадающее с моментом речи, такое, которое еще не наступило и отдалено от того, что происходит сейчас; период времени, который последует за настоящим; предстоящие события [Бабенко, 2008].</p>	<p>future singular noun 1. The future is the period of time that will come after the present, or the things that will happen then. 2. Someone's future, or the future of something, is what will happen to them or what they will do after the present time. 3. If you say that someone or something has a future, you mean that they are likely to be successful or to survive. adjective 4. Future things will happen or exist after the present time [Collins Dictionary and Thesaurus of the English Language, 2011].</p>	<p>Zukunft ist im alltäglichen Verständnis das Unbekannte, das später einmal kommt [Vorgrimler, 2008].</p>
<p>Будущее, его, ср. 1. Время и события, следующие за настоящим. 2. То же, что будущность. 3. Будущее время в грамматике: форма глагола, обозначающая действие, к-рое будет происходить после момента речи или после какого-н. другого действия [Ожегов,Шведова,1992].</p>	<p>future 1. likely to happen or exist at a time after the present 2. the form of a verb used for talking about things that are going to happen [Longman Dictionary of Contemporary English, 2010].</p>	<p>Zukunft die; -; nur Sg; die Zeit, die noch nicht da ist, die kommende Zeit [Dieter, Gunther, Wellmann, 2008].</p>

Исходя из данных таблицы можно заметить, что в трех языках трактовки будущего совпадают. Все определения очень близки. Будущее понимается как время и предстоящие события, следующие за настоящим, дальнейшая судьба, участь, развитие, перспективы чего-либо или кого-либо. Единственное различие, которое можно заметить, состоит в принадлежности лексем, номинирующих будущее, к разным частям речи. В русском языке лексема «будущее» является субстантивированным прилагательным, в английском лексема «future» может быть как существительным, так и прилагательным,

а лексема «die Zukunft» в немецком является только существительным. Вероятно, это связано с тем, что ведущая роль среди частей речи во всех трех языках принадлежит существительным, они являются наиболее часто используемыми в речи.

Значения слов из разных языков не совпадают (даже если они искусственно сопоставлены словарями), они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерные для данного общества (или речевого сообщества), прокладывают путь к пониманию культуры.

По мысли Джона Локка, при сравнении различных языков, обнаружится, что несмотря на то, что встречаются слова, определения которых в словарях или же значения которых при переводе совпадают, редко встречается одна конкретная идея, обозначающая ту же самую мысль, отраженную в словарях [Locke, 1959].

Часто спорным является вопрос о том, отражают и формируют ли слова, содержащие в себе специфические для культуры концептуальные категории, способы мышления представителей культуры. Специфичные для культуры слова являются концептуальными инструментами, отражающими прошлый опыт деятельности и мысли общества определенным образом, они помогают увековечить этот опыт. Инструменты могут меняться вместе с обществом и постепенно от них могут отказываться. В этом смысле мировоззрение общества никогда полностью не определяется запасом его концептуальных инструментов, но несомненно находится под их влиянием.

В кросс-культурном лингвистическом анализе могут возникнуть трудности при столкновении с культурной и языковой асимметрией, что обусловлено когнитивными структурами, интерпретационными моделями и коммуникативными стилями, которые различаются между собой в зависимости от того, к какой культуре они принадлежат. Проблема может возникнуть также при попытке интерпретировать культурные и языковые паттерны, основывающиеся на конструировании и актуализации коммуникативных адапторов – стратагем [Казыдуб, 2019; Серебренникова,

2021]. Преодолеть эти трудности можно при помощи соответствующей стратегемы, выбор которой зависит от содержания аксиологической перспективы, то есть образа, воплощающего целевое назначение коммуникативного события [Казыдуб, 2020]. Таким образом, проблему культурно-языковой асимметрии можно решить путем интерпретации дискурсивной интенциональности, когнитивных моделей и прагматических стратегий, которые характерны для представителей определенной культуры. В данном случае устранению трудностей может способствовать анализ фрагментов дискурса, выявление тех средств, которые репрезентируют определенный образ.

Отражение особенностей культуры, ее ключевых концептов и ценностей можно найти в художественной литературе. Проследив связь языка и культуры, можно увидеть, как репрезентируется будущее посредством языковых средств в культурном сообществе в определенный период. В русской классической литературе можно найти следующие примеры, выражающие мысли о будущем: «О, когда минет злоба дня и настанет будущее, тогда будущий художник отыщет прекрасные формы даже для изображения минувшего беспорядка и хаоса» [Достоевский, 1975]; «Я начертил себе программу всего будущего и положил твердо следовать ей» [Достоевский, 2014]; «Но потом вопросы настоящего стали сменяться вопросами ближайшего будущего» [Толстой, 1984]. В данных примерах демонстрируется устремленность в будущее, намерение следовать задуманному, заботы о будущем превалируют над проблемами настоящего.

В художественном дискурсе англоязычной культуры также прослеживается мысль о том, что нужно заботиться о своем будущем, приложить усилия, чтобы улучшить свою дальнейшую жизнь, а не жить прошлым, подчеркивается важность будущего: «For, as Mr. Ferguson was saying at that minute in Luxor, it is not the past that matters but the future» [Christie, 2001]; «For last year's words belong to last year's language and next year's words await another voice. And to make an end is to make a beginning» [Eliot, 1942];

«We can never give up longing and wishing while we are thoroughly alive. There are certain things we feel to be beautiful and good, and we must hunger after them» [Eliot, 2012]. Слова 16-го президента США, Авраама Линкольна, подтверждают такое отношение к будущему: «Лучший способ предсказать ваше будущее – создать его».

Мысли общества относительно какого-либо явления могут быть представлены не только писателями в литературе, им необязательно быть закрепленными в произведениях, это могут быть размышления философов, писателей, поэтов, выдающихся умов определенной эпохи. В немецкоязычной культуре такими примерами являются следующие высказывания: «Für die Zukunft leben zu wollen, – ist ein Knabentraum, und nur wer für den Augenblick lebt, lebt für die Zukunft» – Генрих фон Клейст, немецкий драматург, поэт и прозаик; «Wohltätige Pläne müssen auch für die Nachkommen berechnet sein» – Руперт Корнманн, немецкий философ; «Was ist die Zukunft? Für dich – nichts als du selbst» – Эрнст фон Фейхтерслебен, австрийский ученый, писатель, поэт; «Des Menschen ganzes Glück besteht in zweierlei, daß ihm gewiß und ungewiß die Zukunft sei» – Фридрих Рюккерт, немецкий поэт, переводчик и ученый.

В данных высказываниях транслируется мысль о непредсказуемости будущего, о том, что настоящее также нужно ценить и необходимо задуматься о благополучии последующих поколений.

Стивен Пинкер считает, что нет научных доказательств тому, что языки кардинально формируют образ мышления носителей. Идея о том, что язык формирует мышление, казалась правдоподобной, когда ученые пребывали в неведении относительно того, как работает мышление и относительно путей его изучения. Теперь, когда это известно когнитивистам, мышление реже отождествляется с языком лишь в связи с тем, что слова более осязаемы, чем мысли. Пинкер также не согласен с тем, что фундаментальные категории реальности не существуют в мире, но навязываются культурой (следовательно, их можно оспорить), и даже не рассматривает возможность

того, что в то время как некоторые категории могут быть врожденными, другие действительно могут быть навязаны культурой [Pinker, 2007].

Идеи Бенджамина Ли Уорфа, с которыми не соглашался Пинкер, признаются каждым, чей опыт выходит за пределы родного языка. Природа анализируется по тем путям, которые заложены родным языком. Человек не ищет категории, выделяемые из мира явлений, потому что они прямо перед ним. Мир представлен в виде «калейдоскопа впечатлений», который должен быть организован умом и это в значительной степени обусловлено языковыми системами в человеческом уме. Пытаясь раскрыть сущность природы, организовать ее в понятия, этим понятиям приписываются значения. Так происходит главным образом потому, что человек является участником определенного соглашения и подчиняется ему. Эта договоренность распространяется на все языковое сообщество и закрепляется в паттернах языка. Несмотря на то, что это негласное соглашение, его условия соблюдаются всеми, невозможно излагать свои мысли и говорить иначе, чем определяет соглашение, объединяя и классифицируя данные [Whorf, 1956].

Но это не значит, что все основополагающие категории реальности предписаны культурой. В некоторых своих работах Уорф признавал существование «общего запаса понятий», лежащего в основе различных языков мира. Само существование такого общего запаса понятий, возможно обладающего еще не совсем изученной структурой, пока что не обладает особой ценностью и все же кажется, что этот запас является необходимым сопутствующим условием согласования мыслей посредством языка. Он содержит в себе этот принцип согласованности и является в некотором смысле универсальным языком, в который входят различные специфические языки [Там же].

Слегка преувеличенными могут показаться различия между языками и культурами и связанные с ними концептуальные системы, а также то, насколько обязательными являются условия соглашения, распространенного во всем языковом обществе. Практически всегда можно обойти

«обязательные» условия соглашения, перефразируя слова, однако это не всегда удобно, приходится использовать более длинные, сложные, громоздкие выражения, чем те, которыми можно было бы воспользоваться, разговаривая привычным способом, предлагаемым родным языком. Более того, можно только пытаться избегать тех условностей, которые человек осознает. Чаще всего влияние родного языка на мышление людей настолько сильно, что они не осознают условий и правил, которых они придерживаются, для них соблюдение этих условий становится таким же естественным процессом, как дыхание. В том случае, когда другие пытаются обратить их внимание на эти правила, они могут продолжать непоколебимо отрицать их существование.

Примером может служить опыт тех, кому пришлось приспособливаться к жизни в другой культуре и адаптироваться к жизни в другом языковом сообществе. Невозможно игнорировать условия реальности, преобладающие в новой культуре, или же наблюдать за привычками представителей культуры со стороны. Нужно научиться жить с ними, найти общий язык, в чем-то поддаться их суждениям.

Только испытав, попробовав что-то можно в полной мере прочувствовать разницу между реальным предметом и его фотографией, описанием. Так, можно провести аналогию с настоящим продуктом и его муляжом. Если человек никогда не ел настоящий помидор, он будет считать пластиковый помидор настоящим и будет вполне им удовлетворен. Только «попробовав» их оба, сравнив их, человек осознает разницу между ними, хотя ее сложно описать. Такой пример считается убедительным, однако если применить его к внутреннему миру человека, для многих он теряет свою обоснованность, поскольку в наших мыслях предметы более универсальны [Hoffman, 1990].

1.3.2. Культурно-ценностная природа репрезентации будущего

В каждой культуре преобладают свои ценности. Ценности отражают то, что в культуре принимается за хорошее или плохое, правильное или неправильное, то, что считается справедливым и нет, ценным или бесполезным, уместным или неуместным. Поскольку ценности олицетворяют желаемые черты культуры, они могут описывать идеальные модели поведения и характеристики, а не то, как обстоят дела в действительности. Ценности также часто представлены в качестве плана взаимодействия людей. Таким образом, как полагает Шалом Шварц, ценности служат руководящими принципами в жизни людей [Шварц, 1996].

В различных культурах ценности различаются по своей валентности и интенсивности. Валентность определяет, в каком ключе рассматривается ценность: в положительном или негативном. Интенсивность указывает на силу или важность ценности, или степень, в которой культура определяет ценность как значимую. После изучения любой конкретной культуры можно определить ее преобладающие ценности, а также их валентность и интенсивность [Lustig, Koester, 2009].

Ценности можно рассматривать как инварианты, порождаемые культурой, которые внедряются в динамичное многообразие социальной жизни, позволяя тем самым связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее) [Энциклопедический словарь, 2006].

Аксиологические концепты, как правило, представлены абстрактными словами, составляющими особый пласт лексики, в русском языке примерами таких концептов могут быть следующие: добро, труд, счастье, свобода, любовь, судьба. Аксиологические концепты транслируют национальную культуру, определяют шкалу ценностей, морально-нравственное состояние общества, мировоззренческие установки и модели поведения представителей культуры, а также выражают понятия, значимые для всего человечества: добро, мир, счастье, судьба и т. д. [Антология концептов, 2005].

Культурные ценности являются категорией, которую изучают многие гуманитарные науки: культурология, история, антропология, социология, лингвокультурология. Ценности в культурологии понимаются как важнейшие компоненты человеческой культуры наряду с нормами и идеалами [Культурология, 1997]. В лингвокультурологической литературе отмечается, что языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особенностях мировосприятия народа [Маслова, 2001]. В рамках лингвоконцептологии изучаются концепты, объективированные в языке, воплощающие базовые ценности культуры. Такие концепты обозначены разными авторами под разными названиями: Ю.С. Степанов называет их «константы культуры» [Степанов, 1997], А. Вежбицкая использует номинацию «ключевые слова языка» [Wierzbicka, 1997], В.А. Маслова дает им название «ключевые концепты культуры» [Маслова, 2001], В.И. Карасик определяет их как «культурные доминанты». Как отмечает В.И. Карасик, ценность всегда составляет центр, ядро концепта, поскольку концепт позволяет исследовать культуру, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [Культурные доминанты в языке, 2002].

Согласно Ю.С. Степанову, константы культуры, основополагающие культурных концептов, способны отразить содержание культуры. Константы одной культуры могут иметь такое же название, что и константы другой, однако они будут отличаться по смыслам, которые в них вкладываются. Содержание констант определяется не в научно-понятийном, а обыденно-понятийном измерении в связи с бытующими в культуре представлениями [Степанов, 1997].

Среди ключевых ценностей русской культуры выделяют такие ценности как национальный характер, душа, добро, вера (как религиозная, так и в добро и справедливость), самоотверженность, труд [Хорина, 2016; Егорычев, 2017; Базовые ценности носителей..., 2020]. Русская культура – коллективистская, в ней интересы коллектива всегда ставятся выше собственных планов и целей.

К ведущим ценностям британской культуры можно отнести

прогрессивный взгляд на мир, толерантность, свобода мнений и политических, религиозных взглядов [Blair Defines..., 2000; The golden thread..., 2004]. Базовая ценность немецкой культуры – порядок, дисциплина, чувство долга [Медведева, 2010]. Для немецкой культуры ценность представляет также образованность как совокупность общей культуры человека и уровня его образования. К ценностям современных реалий можно добавить заботу о состоянии окружающей среды, немцы обеспокоены экологической обстановкой [Zeidenitz, 1999].

Отношение к будущему, ко времени в целом связано со всеми сферами культуры общества. Категория времени интегрируется в сознание человека как ценность и связана со смысловой составляющей его жизни, что включает в себя осознание значения времени для общества в целом, личное значение и личное переживание определенных периодов, использование и распределение времени для осуществления разного вида деятельности. Ценность и значение времени возможно постичь при освоении культуры. Восприятие времени в каждой культуре различно, отчасти оно субъективно, поскольку мы оцениваем время в зависимости от эмоций, которые испытываем в определенный момент. Тем не менее, существуют концепции, описывающие отношение к феномену времени и к будущему в частности, превалирующие в конкретной культурной общности.

Эдвард Холл выделил два типа отношения культур к временной категории: монохронные и полихронные культуры. В монохронных культурах время воспринимается как линейный вектор движения от прошлого к будущему, течение жизни понимается как постановка цели и достижение результата, важны четкие планы и ориентиры. Такой тип культуры присущ Великобритании и Германии. Россия относится к полихронным культурам. В таких культурах время рассматривается как непрерывный цикл, присутствует ориентация на долгосрочную перспективу, в таких культурах люди стремятся овладеть каким-то навыком, чтобы в будущем применить его [Hall, 1976].

Автор другой концепции, Ричард Льюис, поделил культуры на моноактивные, полиактивные и реактивные. Представители моноактивной культуры – немцы и британцы, им свойственно систематическое планирование будущего. Русская культура относится больше к полиактивной группе, планирование будущего осуществляется в общих чертах, без четкого представления. В реактивных культурах планирование будущего зависит от принципа сохранения уважения к окружающим людям, на это прежде всего ориентированы представители данной группы, для них достижение цели второстепенно [Льюис, 2001].

Герт Хофстеде предложил совокупность показателей, определяющих культурные характеристики разных народов. К параметрам, относящимся к восприятию времени в рамках теории Хофстеде, относятся избегание (неприятие) неопределенности и степень ориентации на будущее (стратегическое мышление, краткосрочность или долгосрочность ориентации на будущее). Представители культур с показателем высокого избегания неопределенности предпринимают попытки контролировать свое будущее, их пугает неизвестность в будущем, к этой группе относится Германия. Россия и Великобритания относятся к культурам с низким уровнем избегания неопределенности, непредвиденные обстоятельства в будущем вызывают у представителей таких культур меньше стресса. Что касается ориентации на будущее, у культур с долгосрочной ориентацией принято все тщательно продумывать, наблюдается большая заинтересованность в будущем, настоящее и прошлое не так важны. Россия, Великобритания и Германия относятся к тем странам, которым характерна краткосрочная ориентация на будущее, будущее и прошлое для них связано, уважаются традиции [Hofstede, 2001].

Таким образом, культура России ориентирована на прошлое и будущее, при этом больше внимания уделяется будущему, настоящему не придается столь большое значение. В западной культуре (Великобритания и Германия), которой характерен линейный взгляд на время, считается, что будущее

полностью регулируется настоящим, в этих культурах чтут традиции, они больше ориентированы на прошлое, уже пережитый опыт. В немецком языке существует термин «Vergangenheitsbewältigung», который можно перевести как «преодоление прошлого» [Die geteilte Vergangenheit..., 1995]. Данный термин можно привести в качестве доказательства того, что для немецкой культуры важно прошлое, на него можно опираться при прогнозировании дальнейших событий, постановке целей. Однако, в большей степени представители этой культуры стремятся преодолеть прошлое и ориентированы на будущее.

Отношение разных культур к категории времени можно рассматривать не только с учетом исследований межкультурной коммуникации, что является некой теоретической базой для изучения этой области, но и благодаря опросам, которые демонстрируют отношение культур к этому феномену на современном этапе. Так, результаты опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2017 году, показывают, что примерно половина опрошенных (49% из 1600 респондентов) ожидает, что в будущем улучшится качество медицинского обслуживания, а также сфера экономики [Представления россиян..., 2017].

Проведенный исследовательской группой «BritainThinks» в 2021 году опрос показал, что британцы менее склонны к прогнозированию светлого будущего. Среди опрошенных (более 2000 человек) только 38% сохраняют оптимистичный настрой на будущее в условиях пандемии и роста цен. Одной из причин экономических проблем является Брекзит [Most Britons pessimistic..., 2021].

Опрос, проведенный в конце 2021 года немецким футурологом Хорстом Опашовски, демонстрирует, что немцы, несмотря на пандемию, сохраняют позитивный настрой на будущее, в отличие от британцев. Из 1000 опрошенных, чуть больше половины (53%) уверены, что 2022 год будет лучше предыдущего [Опрос: большинство немцев..., 2021].

В настоящее время при активном межкультурном взаимодействии, есть

вероятность столкнуться с трудностями, требующих пересмотра системы норм и ценностей. Такая ситуация может возникнуть в результате неправильной интерпретации ценностных представлений другой культуры. В каждой культуре преобладают свои ценности. Аксиологические доминанты отражают то, что в культуре принимается за эталон, считается уместным или нет. Переосмысление системы ценностей, опора на аксиологическую систему, доминирующей в определенной культуре, является неизбежным процессом и обязательным фактором успешного осуществления коммуникации в условиях динамичного развития общества в целом и межкультурных связей в частности.

1.4. Политический дискурс как пространство моделирования образа будущего

Политический дискурс имеет особое социальное значение в жизни общества и рассматривается в различных науках: лингвистике, социальной психологии, политологии. Данный вид дискурса связан с анализом формы и содержания различных задач, реализуемых в конкретных политических ситуациях, и определяется как институциональное общение, которое отличает терминологичность лексики, специфическая структура (как результат использования политиком особых речевых приемов), реализация дискурса – особое письменное или звуковое оформление. Е.И. Шейгал определяет политический дискурс как любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики [Шейгал, 2004: 121]. О.В. Эпштейн дает похожее определение, обозначая политический дискурс как совокупность всех речевых актов, а также публичных правил, традиций и опыта, ситуативно детерминированных и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики [Эпштейн, 2010].

Как правило, авторы политического дискурса – политические деятели

посредством реализации дискурса стремятся решить следующие задачи: сориентировать аудиторию относительно голосования за определенного кандидата; укрепить свой авторитет, создать у населения благоприятное впечатление; убедить аудиторию принять точку зрения политика, разделить его мнение относительно обсуждаемого вопроса; проинформировать аудиторию, предоставить новые сведения относительно обсуждаемой темы [Иванова, 2013].

Среди основных функций политического дискурса можно выделить следующие.

Коммуникативная функция. Данная функция заключается в передаче информации, преобразовании существующей в сознании адресата картины политического мира. В политических текстах часто встречается информация о различных событиях политической жизни общества. Как правило, политики акцентируют внимание на информации, которая способна представить их в выгодном свете, стараясь отвлечь внимание общественности от тех фактов, которые могут нанести вред их репутации.

Побудительная функция. Роль этой функции заключается в воздействии на адресата, мобилизации избирателей для проведения определенных акций. Реализуя данную функцию, политик эмоционально воздействует на граждан, формирует в их сознании определенную политическую картину мира.

Эмотивная функция. Посредством данной функции политик выражает свои эмоции и пробуждает эмоции адресата. Создание необходимого эмоционального фона является важной предпосылкой для последующего переубеждения аудитории и побуждения ее к необходимым действиям. Эмоциональное воздействие может быть обеспечено путем использования обещаний (для населения) или угроз (для политических оппонентов).

Метаязыковая функция. Данная функция политического дискурса обеспечивает понимание смысла политической речи. В политических текстах часто встречаются фрагменты с объяснениями специальных понятий и терминов, поскольку далеко не все граждане могут понять их смысл.

Фатическая функция. При помощи данной функции между коммуникантами устанавливается и поддерживается контакт. В этом случае успешное осуществление коммуникации, сближение с адресатом может быть намного важнее, чем содержание беседы [Чудинов, 2009: 92-94].

Реализация воздействующей или побудительной функции языка осуществляется посредством применения речевых стратегий и тактик. Стратегия определяется совокупностью речевых действий, цепочкой решений, принимаемых говорящим, выбор им определенных коммуникативных действий и языковых средств для достижения своей цели [Паршина, 2012: 10]. Применение речевых стратегий позволяет структурировать речевое поведение в соответствии с коммуникативной целью участника общения [Денисюк, 2004: 16].

Таким образом, в широком смысле стратегию можно определить как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Иссерс, 2003: 54]. Успешность реализации политического дискурса зависит от того, насколько эффективно политику удалось внушить адресатам (гражданам) политически правильные (со стороны политика) действия и оценки. Если стратегия – это способ достижения коммуникативной цели, в таком случае речевая тактика является формой реализации стратегии, способ движения по пути к цели.

Применение стратегий способствует реализации некоторых функций. Идеологическая функция применения стратегий заключается в следующем: оценивается сложившееся положение, выявляются конкретные проблемы, предпринимаются способы их решения. Стратегии также убеждают аудиторию в истинности поставленных вопросов и представленных способов их урегулирования, привлекают интерес публики к обсуждаемой теме и побуждают ее поддержать идеи автора [Алтунян, 2010].

О.Л. Михалева предложила следующую типологию стратегий политического дискурса: стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности.

Для того чтобы ослабить позиции оппонента и выразить отрицательное отношение к предмету разговора, используется стратегия на понижение, реализуемая следующими тактиками:

Тактика анализ-«минус» описывает ситуацию, основываясь на отрицательном отношении к проблеме. При этом, автор речи не заявляет о своем недовольстве прямолинейно, его отношение выражено имплицитно.

Тактика обвинения заключается в приписывании вины, изображении оппонента и ситуации в отрицательном ключе. Главная задача данной тактики заключается в обличении противника, представлении негативных черт его личности и интенций. В данной тактике используются лексические единицы с негативными оценочными коннотациями [Михалева, 2009].

Тактика безличного обвинения применяется в ситуациях, когда обвиняемого не называют открыто. Автор может изображать ситуацию в негативном свете, при этом не раскрывая личность виновного. Он использует грамматические и лексические средства с достаточно широким значением, что позволяет политику оказаться в выгодном положении, так как ему удастся приумножить впечатление от противопоставления групп «свой» и «чужой». Группа «своих» получает все положительные атрибуты, в то время как оппоненты – «чужие» оказываются в невыгодном положении и представляются весьма негативно. Обоснованию статуса «чужого» служит пресуппозиция негативного постоянства, когда политик упоминает ситуации, в которых «чужие» представлены с негативной стороны [Детинко, Куликова, 2017].

При обращении к аудитории как к членам собственного круга, политик порождает у нее чувство единства и выдает собственные интересы за групповые. Для каждой целевой аудитории политический деятель может подобрать определенную характеристику, которая будет использовать фактор объединения [Иссерс, 2011].

Тактика угрозы запугивает противника, обещает ему будущее наказание [Акопова, 2013].

Таким образом, тактики, реализующие стратегию на понижение, проявляются в имплицитно и эксплицитно выраженном негативном отношении к оппоненту, предмету или ситуации коммуникации.

Стратегия на повышение характеризуется желанием говорящего укрепить свой авторитет в глазах аудитории, показать свою значимость. Реализация данной стратегии осуществляется при помощи следующих тактик:

Тактика анализ-«плюс» подразумевает описание ситуации, имплицитно выражающее позитивное отношение автора к предмету речи или к обсуждаемой ситуации.

Тактика презентации представляет определенного человека или политика в положительном свете. При помощи языковых средств с положительной коннотацией представляются положительные черты объекта коммуникации. Особым видом тактики презентации считается тактика самопрезентации, в случае использования которой политик представляет себя и партию, описывая свои лучшие характеристики.

Тактика отвода критики реализуется с помощью аргументов, позволяющих нивелировать вину в случае совершения ошибки. Автор отрицает или дистанцируется от участия в определенной невыгодной ему ситуации, а также пытается оправдаться перед аудиторией [Михалева, 2009].

Обращаясь к политическому дискурсу, особенно предвыборным речам, нельзя не обратить внимание на стратегию театральности. Политическая коммуникация стремится эмоционально воздействовать на адресата. Тактики, реализующие данную стратегию следующие:

Тактика побуждения. С ее помощью автор побуждает адресатов к тем или иным действиям, пытаясь убедить их в том, что именно его точка зрения является правильной. Тактика побуждения сочетается с другими тактиками, к примеру, с тактикой презентации или самопрезентации. Для того чтобы побудить население к действию, политик должен презентовать себя с наиболее выгодной стороны, добиться доверия у аудитории.

Тактика размежевания представляет собой введение оппозиции

«свои – чужие».

Тактика обещания состоит в том, что политический деятель берет на себя обязательство что-либо осуществить. Оптимальным способом реализации тактики обещания является применение глаголов совершенного вида будущего времени (построим, откроем, отремонтируем) [Там же].

Характерное для политического дискурса наличие стратегий подчеркивается Т.А. ван Дейком. Связь стратегий, применяемых в определенном дискурсе, зависит от знаний и суждений человека о том, что возможно в мире [Дейк, 2000].

Единая классификация стратегий и тактик, реализуемых в политическом дискурсе отсутствует. По мнению И.А. Дьяченко, ни одна из существующих на настоящий момент классификаций не может считаться завершенной и исчерпывающей. Данный факт обусловлен тем, что политический дискурс представляет собой динамическое явление, цели политической коммуникации изменчивы, требуют новых и более действенных языковых способов достижения. В связи с этим перечень стратегий и тактик остается открытым и дополняемым [Дьяченко, 2014: 23].

Исследователи коммуникативных стратегий политического дискурса выделяют функцию проекции в будущее, реализуемую посредством фактора коммуникативного будущего, а также тактику создания образа светлого или темного будущего [Шмелева, 1997; Graber, 1981; Judge, 1992]. Суть данной тактики заключается в моделировании возможного будущего и прогнозировании того, как в будущем отразится настоящее. В политическом дискурсе восприятие будущего аффективно по той причине, что дискурс призван эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую картину мира, мобилизовать их для осуществления действий, на которые их ориентирует политик [Чудинов, 2003].

Таким образом, в политическом дискурсе можно выделить следующие характерные черты: в рамках политического дискурса отчетливо выражено стремление говорящего повысить собственный статус и напротив, понизить

значимость своего оппонента. Кроме того, перед политиком стоит задача привлечь сторонников, чем обусловлена необходимость постоянного учёта стремлений и интересов адресата. Для этого применяются различные коммуникативные стратегии и тактики. Под коммуникативной стратегией понимается оптимальная реализация коммуникативных намерений с учетом объективных и субъективных факторов и условий, в которых протекает коммуникативный акт. В свою очередь, эти факторы обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определённых языковых средств. Каждая стратегия политического дискурса реализуется благодаря определённому набору тактик. Под тактиками понимаются приемы, обуславливающие применение языковых средств. Активизация той или иной стратегии зависит от иллокутивного намерения говорящего.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Актуальной проблемой современной лингвистики является выявление и системное описание структуры и содержания образного представления социальной реальности. Значительный интерес исследователей вызывают феномены, обладающие ориентирующим и воздействующим потенциалом, в частности образ будущего. По этой причине лингвистическое моделирование образа будущего приобретает существенную значимость как инструмент продвижения политических проектов и обеспечения социального одобрения.

Важнейшее свойство образа заключается в отражении мира в процессе его практического созидания. Образ представляет собой некоторую модель действительности, воплощающую полученную из действительности информацию в новой сущности.

Под моделью понимается любой познавательный образ эмпирического и теоретического уровней познания как своеобразное отражение действительности. Моделирование предполагает конструирование образа исследуемых объектов, процессов или явлений, следовательно образ выполняет функцию заместителя.

Модель не только отображает языковые явления, но и позволяет объективно проверять истинность знаний об этих явлениях, выступая своеобразным прагматическим критерием. Отсутствие возможности рассмотреть все процессы и механизмы языка в действии подталкивает лингвистов моделировать образы объектов, выдвигать предположения и прогнозы, касающиеся гипотетического содержания устройства языковых явлений. Смоделировать образ явления в определенном типе дискурса позволяют языковые средства.

В политическом дискурсе образ какого-либо феномена моделируется посредством стратегий и тактик, применяемых политиками. К стратегиям политического дискурса можно отнести следующие: стратегия на понижение,

стратегия на повышение, стратегия театральности. Политические деятели реализуют данные стратегии посредством тактик, тем самым ориентируя аудиторию относительно моделируемых в процессе речи концептов, повышая свой собственный авторитет и понижая статус оппонентов. Одной из тактик, применяющихся в политическом дискурсе, является тактика создания образа будущего.

Моделирование образа будущего в процессе порождения дискурса имеет культурную обусловленность, включающую в себя отношение к категории времени и ценности, превалирующие в определенной культуре. Российская культура ориентирована на прошлое и будущее, при этом фокус внимания смещается больше в сторону будущего. В западной культуре (британской и немецкой) больше ценится прошлое, считается, что будущее определяется пережитым, имеющимся опытом. В практической части исследования рассматривается, как существующая в каждой культуре система норм и ценностей влияет на моделирование образа будущего в политическом дискурсе, какие средства и стратегии для этого применяются.

ГЛАВА 2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

2.1. Уровневая модель конструирования образа будущего в политическом дискурсе

Практическая часть исследования основывается на анализе речей и выступлений политических деятелей России, Великобритании и Германии. Для изучения были отобраны речи высокопоставленных политиков, которые чаще всего в своих выступлениях высказывались о будущем, моделировали его образ. Алгоритм анализа состоит в изучении языковой репрезентации будущего на разных уровнях ориентирующего воздействия. Следовательно, ориентирующая функция языка, уровни ее реализации конструируют основу практической части работы.

Ориентирующая функция языка проявляется в способности человека понимать смысл слов за счет того, что язык ориентирует нас относительно семантического значения лексем. В ходе коммуникации ее участники координируют поведение друг друга вокруг так называемых ориентиров, которыми являются языковые знаки. Данные ориентиры приобретают свое значение в результате коммуникации, взаимодействия между ее участниками, опираясь при этом на уже сформированный языковой опыт и картину мира коммуникантов. Языковыми знаками устанавливаются значимые для воспринимающего информация ориентиры, которые позволяют прийти к умозаключениям, определяемые целью коммуникации. Результатом такой совместной деятельности является формирование языковой среды, которая оказывает дальнейшее влияние на когнитивную деятельность человека. Языковая деятельность определяется А.В. Кравченко как структура поведения в ходе коммуникативных взаимодействий. Такое поведение имеет ориентирующий характер и ведет к дальнейшей адаптации человека к среде, которой он позже сможет управлять, ориентировать других относительно

своего видения смыслов [Кравченко, 2008: 154].

В ходе исследования было выявлено, что моделирование образа будущего в политическом дискурсе осуществляется в рамках реализации ориентирующей функции языка. В политическом дискурсе данная функция проявляется в создании образа посредством конструирования языковых единиц в совокупности с интеграцией различных ментальных процессов. Ориентирующая функция представлена сложной многоуровневой структурой. Е.С. Кубрякова определяет также ориентирующую функцию языка как мирозозидающую [Кубрякова, 2009].

Моделирование ориентирующего воздействия образа будущего конструируется на разных уровнях. Комплексное описание воздействующего потенциала образа будущего основывается на дифференциации уровней, обозначенных в работах О.С. Худяковой и Е.В. Шевченко [Худякова, 2012; Шевченко, 2018: 153–170]. В ходе исследования было выделено пять таких уровней, по которым проводился дальнейший анализ фрагментов политического дискурса:

Контактоустанавливающий уровень. Данный уровень предполагает воздействие на адресата при помощи языковых средств для того, чтобы вовлечь его в коммуникативный акт и обеспечить взаимодействие между коммуникантами. В случае успешного установления контакта осуществляется логический переход на следующие уровни ориентирующего воздействия – концептуальный или аффективный в зависимости от ситуации общения.

Концептуальный уровень. При включении в коммуникацию осуществляется организация познавательной деятельности. В свою очередь у целевой аудитории обогащается картина мира, формируются новые концепты, реализуются операции синтеза, обобщения и категоризации реальной действительности посредством языка. Этот уровень конституируется представлениями о положении дел, что получает выражение при помощи ассертивных иллокуций.

Аффективный уровень. Данный уровень отражает влияние с целью

направленной психоэмоциональной ориентации в условиях коммуникации, что вызывает у ориентируемого определенную психическую осознанную (рефлексивную) или неосознанную (ассоциативную, инстинктивную) реакцию, а также эмоциональное восприятие обсуждаемой темы или предмета.

Волюнтативный уровень. Специфика этого уровня заключается в том, что говорящий ориентирует целевую аудиторию относительно своих желаний, действий, своего видения образа будущего, а также стремится воздействовать на адресата. Воздействие на аудиторию может быть интенсифицировано посредством иллокутивных актов (просьба, заявление, извинение, побуждение, приглашение, запрещение), а также невербальных средств (мимика, жесты, звуки, интонация).

Эвалюативный уровень. На данном уровне отражена заложенная в языке оценочность, которая проявляется в когнитивной деятельности познающего субъекта и присутствует в той или иной мере в любом дискурсе. Оценочность выражает положительное, отрицательное или нейтральное отношение говорящего к содержанию высказывания, общую оценку явления или объекта по качественным или количественным параметрам. Эвалюативное ориентирование пронизывает все этапы конструирования дискурса и объективируется посредством языковых единиц с оценочной семантикой. К таким единицам относятся эпитеты, прилагательные в сравнительной и превосходной степенях, сравнения, частицы, служащие для усиления выразительности, и другие лексемы с эмоционально-оценочным значением. Эвалюация является одним из инструментов моделирования образа будущего в политическом дискурсе.

Уровни ориентирующего воздействия языка еще не изучены в полной мере, однако имеются исследования, подтверждающие уровневую структуру конструирования дискурса. Ю.В. Клюев предложил градацию уровней публичного дискурса. Публичный дискурс определяется как совокупность условий, в рамках которых порождается речь, а рядом с автором речи

присутствует как минимум один человек. Уровневую структуру публичного дискурса можно представить следующим образом:

Первый уровень – коммуникативно-событийный, его содержание отражает информацию о месте и времени высказывания, а также об аудитории, присутствующей во время выступления.

Следующий уровень – коммуникативно-содержательный, на данном уровне эксплицируются обстоятельства речи и ее контекст. Содержание этого уровня раскрывает личность автора высказывания, его содержание, мотивы речи и целевую аудиторию, на которую ориентирована речь.

Коммуникативно-когнитивный – третий уровень подводит итоги реализации двух предыдущих. На данном уровне анализируются цели, поставленные автором, полученные результаты и решенные задачи. На данном уровне создается стратегическая модель дискурса [Клюев, 2008].

Что касается уровней ориентирующего воздействия, их расположение, иерархия, алгоритм анализа обосновывается структурой ориентирующего воздействия в рамках политического дискурса. На первом этапе необходимо подготовить аудиторию к восприятию информации, в конкретном случае данного исследования – к восприятию моделируемого политиком образа будущего. Для этого необходимо сблизиться с аудиторией, установить контакт. После удачного сближения можно сформировать у слушателей новые концепты, обогатить их картину мира посредством внедрения в сознание аудитории нового знания – того образа будущего, которое представляет политик. Для повышения ориентирующего потенциала речей политиков, необходимо психоэмоциональное воздействие на аудиторию, чтобы актуализируемые в дискурсе концепты нашли больший отклик. Данный процесс отражает сущность аффективного уровня. После закрепления образа будущего, содержания речей в психоэмоциональной сфере слушателей, политик может воздействовать на аудиторию, ориентировать ее относительно моделируемого им образа будущего, а после этого дать свою оценку происходящему и тому, что по его мнению может произойти в будущем.

Обобщенно все уровни ориентирующего воздействия можно определить как когнитивно-прагматические, поскольку все уровни реализуют передачу информации, расширение картины мира аудитории, воздействуют на ее эмоциональную и волевою сферу.

Кроме того, можно выявить совпадения между уровнями ориентирующего воздействия и функциями политического дискурса. Коммуникативную функцию политического дискурса, направленную на передачу информации и трансформацию у аудитории существующей картины мира, можно соотнести с концептуальным уровнем ориентирующего воздействия. Эмотивная функция политического дискурса выражает эмоции политика, а эвалюативный уровень, в свою очередь, отражает оценку текущих событий. Побудительная функция политического дискурса, суть которой заключается во влиянии на аудиторию, отражает основной принцип контактоустанавливающего уровня – воздействие на адресата, сближение с ним при помощи языковых средств [Чудинов, 2009].

Таким образом, уровни ориентирующего воздействия рассматриваются в рамках ориентирующей функции языка, связаны с его интерпретационной ролью. Ж. Фоконье рассматривал язык как способ ориентирования человека в пространстве, а также как инструмент создания и осмысления действительности [Fauconnier, 1994]. Язык координирует межличностное взаимодействие людей и их практическую деятельность, формирует мировоззрение [Арутюнова, 1997]. Ю.С. Маслов выделяет две основные, связанные между собой функции языка: коммуникативную (обмен информацией) и мыслеформирующую или когнитивную (формирование и выражение мыслей). К более частным функциям относятся: констатирующая (сообщение о чем-либо); вопросительная (запрос информации); апеллятивная (призыв, побуждение к действиям); экспрессивная (передает настроение и эмоции, внутреннее состояние), контактоустанавливающая (создание и поддержание контакта между собеседниками) [Маслов, 1987; Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 564]. Е.С. Кубрякова

объединяет коммуникативную и когнитивную функцию в одну – ориентирующую функцию языка. Ориентирующая функция языка предполагает намеренное, осознанное воздействие на адресата при помощи языковых единиц. Язык ориентирует человека в различных областях. Сюда относятся предметный мир и область сознания, конструируемая концептами [Кубрякова, 2012].

Все уровни ориентирующего воздействия преследуют одну цель – ориентировать участников коммуникации на восприятие и интерпретацию услышанного, чтобы обеспечить максимальное совпадение смыслов говорящего и слушающего. Уровни ориентирующего воздействия взаимодействуют и дополняют друг друга, при этом в зависимости от конкретной коммуникативно-прагматической ситуации акцент смещается на определенный уровень.

2.2. Особенности моделирования образа будущего в российском политическом дискурсе

Практическая часть исследования представляет собой изучение лингвистического моделирования образа будущего в кросс-культурном аспекте. В качестве материала исследования были отобраны речи и выступления российских, британских и немецких политиков, занимающих ведущие посты. На первом этапе рассмотрим особенности лингвистического конструирования образа будущего в российском политическом дискурсе. Прежде чем начать анализ, следует разграничить понятия политической речи и выступления. Политическое выступление относится к социально-политическому ораторскому искусству, это разновидность публичного выступления призывного или разъяснительного характера. Публичному выступлению характерно разнообразие изобразительных и эмоциональных средств, черты официального стиля, использование специальных терминов [Сорокина, 2004]. Политическое выступление

затрагивает актуальные политические проблемы, оно обращено на массовую аудиторию и нацелено на воздействие. Политическая речь является формой политического выступления, это монологическое выступление одного человека перед группой людей. Для речи характерно наличие замысла, структурно-композиционная и содержательная завершенность, целенаправленность и установка на воздействие [Блох, Фрейдина, 2011: 3].

Материалами, составившими основу данного этапа исследования, являются выступления председателя Правительства Российской Федерации Михаила Мишустина [Мишустин показал, как будет выглядеть будущее налогоплательщиков, 2020; Михаил Мишустин принял участие..., 2021], заместителя председателя Совета Безопасности Российской Федерации Дмитрия Медведева [108-я сессия Международной конференции труда, 2019; Разговор с Дмитрием Медведевым, 2019], министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова [Министр просвещения Сергей Кравцов..., 2022]. Анализ речей проведен по описанной ранее алгоритму:

Контактоустанавливающий уровень. Примером сближения с аудиторией через ориентирование ее относительно образа будущего, который себе представляет политик, является выступление премьер-министра Российской Федерации Михаила Мишустина в 2020 году на форуме о цифровом будущем глобальной экономики в Казахстане [Мишустин показал, как будет выглядеть будущее налогоплательщиков, 2020]. Глава правительства представил ролики о цифровизации налогового администрирования для самозанятых и высказал следующие надежды относительно будущего:

Я надеюсь, что мы вместе найдем ответы на все вызовы цифровизации и построим наш союз с самыми современными информационными технологиями для лучшей жизни наших людей (Мишустин показал, как будет выглядеть будущее налогоплательщиков, 2020).

Данный фрагмент содержит имплицитную интегративную идею, основная суть которой в том, что совместными усилиями, возможно не только

населения России, но включая и помощь стран-членов Евразийского союза, удастся решить все проблемы, связанные с развитием технологий, что улучшит жизнь народа (*мы вместе найдем ответы на все вызовы цифровизации*). Основная мысль, выражающая идею интеграции, заложена в местоимениях «мы», «наш (наших)», наречии «вместе», существительным «союз». Объединение, совместное решение задач гарантирует светлое будущее, что эксплицируется прилагательными в превосходной степени (*самые современные технологии, лучшая жизнь*).

В 2021 году Михаил Мишустин выступил на том же форуме, снова конструируя образ будущего, в котором совместные усилия стран Евразийского союза играют значительную роль [Михаил Мишустин принял участие..., 2021]. В данном случае речь идет о создании совместной цифровой платформы, которая значительно облегчит жизнь населения в будущем:

Наша совместная цифровая платформа должна быть нацелена на улучшение жизни человека и условий ведения бизнеса. Только так люди почувствуют, что интеграция действительно несёт пользу.

Цифровая платформа будет способствовать устранению барьеров, которые мешают формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках союза.

Несомненно, она должна строиться с учётом национальных интересов и с сопряжением наших информационных систем. Только так, вместе, мы сможем эффективно развивать наши экономики (Михаил Мишустин принял участие..., 2021).

Образ развитого интегративного будущего в данном фрагменте включает признак общности усилий, что передается функционально-специализированными языковыми средствами: местоимениями «наш (наша)», «мы», прилагательными «совместный», «единый», наречием «вместе», существительным «союз».

Сближение с аудиторией осуществляется посредством конструирования образа будущего, в котором повышается качество жизни и улучшаются

условия труда (*цифровая платформа должна быть нацелена на улучшение жизни человека и условий ведения бизнеса, цифровая платформа будет способствовать устранению барьеров, мы сможем эффективно развивать наши экономики*). Данный образ будущего отражает идею о том, что объединение внутри страны, а также со странами-союзниками, развитие технологий в рамках совместных проектов приведет к совершенствованию сферы услуг, экономики и укреплению международных отношений внутри Евразийского союза. Таким образом, выводится совместный образ будущего и устанавливается связь не только с населением России, но и со всеми странами, входящими в данный союз.

Концептуальный уровень. Дмитрий Медведев (на 2019 год Председатель Правительства Российской Федерации), выступив на 108-й сессии Международной конференции труда, смоделировал образ будущего, касающийся сферы труда, развития технологий и дальнейшего благополучия населения с учетом этих факторов [108-я сессия Международной конференции труда, 2019].

Моделируя образ будущего, Дмитрий Медведев распространяет ориентирующее воздействие образа на представление аудитории о том, как изменится подход к организации труда, трудовой деятельности, какое влияние на это окажут технологии и как это отразится на гражданах:

Цифровые технологии предоставляют почти безграничные возможности для работы и самореализации людей вне зависимости от пола, возраста, социального статуса, места жительства. Такова новая парадигма труда, и она даёт многообещающие стимулы для талантливых людей, особенно для тех, кто живёт в развивающихся странах.

На этом фоне работодателям придётся всё больше учитывать интересы своих сотрудников. Технологический прогресс приводит к сокращению не только рабочих мест, но и рабочего времени, к расширению досуга. Весьма вероятно, что будущее – за четырёхдневной рабочей неделей как основой социально-трудового контракта (108-я сессия Международной

конференции труда, 2019).

Образ будущего формируется за счет лексических единиц, которые в своем семантическом значении ориентированы на будущее и развитие: «новый», «развивающийся», «прогресс», «расширение».

Описывая преимущества применения современных технологий для будущего развития сферы труда, политик отмечает расширение возможностей и их равное распределение среди населения: *«Цифровые технологии предоставляют почти безграничные возможности для работы и самореализации людей вне зависимости от пола, возраста, социального статуса, места жительства».*

Образ будущего, который моделируется в данном фрагменте, включает более внимательное отношение к пожеланиям и интересам сотрудников: *«работодателям придётся всё больше учитывать интересы своих сотрудников»*, а также ожидается сокращение рабочей недели (*«Весьма вероятно, что будущее – за четырёхдневной рабочей неделей как основой социально-трудового контракта»*), что позволит больше времени уделять досуговой деятельности, на развитие которой также оказывают влияние современные технологии (*«Технологический прогресс приводит к сокращению не только рабочих мест, но и рабочего времени, к расширению досуга»*). В данном случае прослеживается оппозиция сокращение – расширение, причем лексема «сокращение» в данной контрастивной паре имеет как положительную (*сокращение рабочего времени*), так и негативную семантику (*сокращение рабочих мест*).

Стоит отметить, что такой вероятный прогноз образа будущего моделируется не только для России. Такой образ будущего складывается для всего мира, следовательно имеет место расширение целевой аудитории.

В политическом дискурсе образ будущего, конструируемый политическими деятелями может затрагивать как общество в целом, так и отдельные его группы. Министр просвещения России Сергей Кравцов моделирует образ будущего относительно своей сферы деятельности,

а именно образовательной среды [Министр просвещения Сергей Кравцов..., 2022]. Моделирование такого образа будущего наиболее актуально, направлено на ориентирование в основном учителей, родителей обучающихся и самих школьников.

Как правило, при описании предполагаемых изменений, которые ожидаются в определенной сфере, упоминаются не только преобразования, говорится так же и о том, какого уровня развития уже удалось достичь и какие явления повлияли на то, чтобы принять решение о модификации. Дискурс, содержащий фрагменты с таким смысловым ядром, эксплицирует концептуальный уровень ориентирующего воздействия:

Современный мир нельзя представить без новых технологий. «Цифра» стала частью нашей жизни, и в этих условиях работать с детьми нужно по-новому, ведь иначе ребята могут попросту потерять интерес к учебе. Цифровизация школы дает возможность такого обновления, и мы не имеем права упускать возникший шанс: вынужденный переход на дистанционное обучение в прошлом году как нельзя лучше подтвердил насущную необходимость развития новых образовательных технологий (Министр просвещения Сергей Кравцов..., 2022).

На данном уровне Сергей Кравцов обогащает картину мира той аудитории, которая не знакома с понятием цифровизации, обосновывает необходимость цифровизации в будущем, а также упоминает опыт дистанционного обучения, с этим столкнулось все население, и теперь развитие этой сферы является актуальной проблемой. При моделировании образа будущего, министр использует лексемы с семантическим значением «реновация», «трансформация»: «цифровизация», «новые технологии», «по-новому», «обновления».

В качестве аргументов в пользу модернизации в будущем приводятся: распространение цифровизации на все большее количество сфер жизни общества («Цифра» стала частью нашей жизни); повышение заинтересованности обучающихся в ходе образовательного процесса

и необходимость адаптации к новым условиям (*в этих условиях работать с детьми нужно по-новому, ведь иначе ребята могут попросту потерять интерес к учебе*); потребность в развитии новых технологий (*переход на дистанционное обучение подтвердил насущную необходимость развития новых образовательных технологий*).

Таким образом, на данном уровне моделируется образ технологичного будущего, с модернизацией образования. У тех, кто не знаком с цифровизацией формируются новые концепты, расширяются представления о том, как жизнь может измениться в будущем.

Аффективный уровень. Для обеспечения эмоционального воздействия на аудиторию, Дмитрий Медведев моделирует образ будущего, который касается актуальных для граждан аспектов. Распространена ситуация, когда сотрудники не в полной мере удовлетворены условиями труда, в обозримом будущем эта проблема должна разрешиться:

Нам нужны новые подходы к таким базовым понятиям, как «рабочий день», «рабочее место». Речь идёт о более лояльной организации рабочего времени: гибкие графики, дистанционные форматы, вызов сотрудников по мере необходимости (108-я сессия Международной конференции труда, 2019).

Ключевую роль в моделировании образа будущего с улучшенными условиями трудовой деятельности в данном фрагменте играет концепт «новые подходы», который позволит сформировать в будущем более гибкий и комфортный для граждан режим работы.

В 2019 году Дмитрий Медведев также дал интервью российским телеканалам, в котором также моделировался образ будущего, однако уже не глобальный, а ожидаемый образ будущего исключительно для России [Разговор с Дмитрием Медведевым, 2019].

В наше время вопрос стабильного заработка, постоянного места работы беспокоит большую часть населения и является одним из тех аспектов, который вызывает беспокойство о своем будущем. Когда речь заходит об этой

проблеме, это всегда вызывает эмоциональный отклик у многих людей. Образ будущего, который отражает обозначенные выше переживания, воздействует на аффективную сферу аудитории:

Какие-то профессии, которые нам казались ещё совсем недавно фундаментальными, потихонечку теряют актуальность. Это жизнь, и нам к этому нужно готовиться – так, чтобы и экономика не пострадала, и, самое главное, чтобы люди не пострадали (Разговор с Дмитрием Медведевым, 2019).

Тем не менее, в данном случае моделируется образ, выражающий надежду на то, что население не пострадает и не потеряет рабочие места (*самое главное, чтобы люди не пострадали*). Государство в будущем планирует сохранить профессии или обеспечить безболезненную для граждан адаптацию к новым условиям, чтобы сохранить экономику и финансовое благополучие населения. Повтор (*чтобы и экономика не пострадала, и, самое главное, чтобы люди не пострадали*) выражает серьезность этих намерений, моделируя образ будущего, в котором не нужно переживать за свой заработок.

Волюнтаристивный уровень. Выражая планы государства через образ будущего, Дмитрий Медведев ориентирует аудиторию относительно своего видения образа будущего посредством заявлений о том, какие преобразования ожидаются в будущем:

Мы должны выработать новые подходы к организации рабочего времени, образовательного процесса. Во-первых, у людей должна быть возможность учиться на протяжении всей трудовой карьеры.

Подготовка, переподготовка, освоение смежных и абсолютно новых знаний и компетенций позволяют человеку прожить несколько профессиональных жизней, чего никогда раньше не было, стать признанным специалистом в целом ряде областей, а главное – всегда оставаться востребованным на рынке труда. Ведь технологии уже меняют многие рабочие места. Уходят старые профессии, появляются новые (108-я сессия Международной конференции труда, 2019).

Волеятативность, ориентированная на будущее, проявляется в цели реформировать трудовую и образовательную деятельность: *«Мы должны выработать новые подходы к организации рабочего времени, образовательного процесса».*

Семантика инновационности выражается повтором прилагательного «новый»: *«новые подходы», «новые знания», «новые профессии».* Смысловое значение преобразований в моделируемом образе будущего проявляется в следующих фрагментах: *«чего никогда раньше не было», «технологии уже меняют многие рабочие места», «уходят старые профессии».*

В своем интервью Дмитрий Медведев озвучил дальнейшие намерения государства относительно поддержки граждан:

Значительная часть работы впереди. Нужно всё проанализировать и эти ошибки учесть в работе следующего года.

Работа по реальным располагаемым доходам, по тем деньгам, которые люди реально получают на руки, конечно, будет продолжена. Мы постараемся сделать так, чтобы такая поддержка доходила до наиболее уязвимых слоёв населения (Разговор с Дмитрием Медведевым, 2019).

Долгосрочность планов выражается наречием *«впереди»*, прилагательным *«следующий (следующего года)»*, причастием *«продолжена»* с вспомогательным глаголом *«будет» (работа будет продолжена)*. В планы государства также входит учесть предыдущие ошибки, чтобы полностью разобраться в ситуации и в будущем решить проблему: *«Нужно всё проанализировать и эти ошибки учесть в работе следующего года».*

Образ будущего, создаваемый политиком в данном случае воздействует, ориентирует аудиторию за счет веры в то, что власть окажет поддержку населению в финансовом вопросе: *«Мы постараемся сделать так, чтобы такая поддержка доходила до наиболее уязвимых слоёв населения».* Таким образом, на данном уровне ориентирующее воздействие образа будущего усиливается в результате прогнозирования политиком светлого будущего для населения, особенно для тех, кто больше всего нуждается в помощи.

Эвалюативный уровень. При оценке будущего, его прогнозирования важно быть честным с населением, но в то же время стараться дать надежду на то, что когда-то все проблемы удастся уладить и в перспективе все будет хорошо. По такой схеме Дмитрий Медведев моделирует образ будущего на эвалюативном уровне:

Вообще, я оптимист. Всё будет хорошо в исторической перспективе, а сейчас будет сложно. Человечество бы вообще исчезло, если бы в конечном счёте не было в исторической перспективе всё хорошо (Разговор с Дмитрием Медведевым, 2019).

В данном случае моделируется образ светлого будущего в терминах субъективной оценки (*Вообще, я оптимист. Всё будет хорошо в исторической перспективе*). Дмитрий Медведев не скрывает, что трудности возможны (*а сейчас будет сложно*), однако в конечном итоге все разрешится.

Оценка образа будущего строится на контрасте (*Всё будет хорошо в исторической перспективе – сейчас будет сложно*), что транслирует идею о том, что для достижения светлого будущего необходимо разобраться с насущными вопросами. Вере в то, что в будущем возможно улучшение условий для жизни способствует обращение к прошлому опыту, внимание на этом акцентируется при помощи повтора (*Всё будет хорошо в исторической перспективе; если бы в конечном счёте не было в исторической перспективе всё хорошо*).

В результате, при оценивании образа будущего формируется доверие к политику, населению передается позитивный настрой. Народ может перенять такую же точку зрения относительно оценки образа будущего, поскольку в качестве доказательств и аргументов своих слов политик приводит предыдущий опыт, честен с аудиторией.

В речах российских политиков образ будущего моделируется в основном вокруг концептов «модернизация», «развитие технологий», «улучшение жизни граждан»: *Современный мир нельзя представить без новых технологий. «Цифра» стала частью нашей жизни, и в этих условиях*

работать с детьми нужно по-новому, ведь иначе ребята могут попросту потерять интерес к учебе (Министр просвещения Сергей Кравцов..., 2022).

Я надеюсь, что мы вместе найдем ответы на все вызовы цифровизации и построим наш союз с самыми современными информационными технологиями для лучшей жизни наших людей (Мишустин показал, как будет выглядеть будущее налогоплательщиков, 2020).

Наша совместная цифровая платформа должна быть нацелена на улучшение жизни человека и условий ведения бизнеса (Михаил Мишустин принял участие..., 2021).

Мы постараемся сделать так, чтобы такая поддержка доходила до наиболее уязвимых слоёв населения (Разговор с Дмитрием Медведевым, 2019).

Выделить средство, которое преобладает в моделировании образа будущего сложно, однако часто мысль интенсифицируется за счет повторов: «*новые подходы*», «*новые знания*», «*новые профессии*» (108-я сессия Международной конференции труда, 2019); «*чтобы и экономика не пострадала, и, самое главное, чтобы люди не пострадали*» (Разговор с Дмитрием Медведевым, 2019); «*Всё будет хорошо в исторической перспективе; если бы в конечном счёте не было в исторической перспективе всё хорошо*» (Разговор с Дмитрием Медведевым, 2019).

Образ будущего моделируется российскими политическими деятелями посредством отдельных смысловых фрагментов, которые относятся к будущему: «*чего никогда раньше не было*», «*технологии уже меняют многие рабочие места*», «*уходят старые профессии*», «*На этом фоне работодателям придётся всё больше учитывать интересы своих сотрудников*» (108-я сессия Международной конференции труда, 2019); «*Цифровая платформа будет способствовать устранению барьеров, которые мешают формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках союза*» (Михаил Мишустин принял участие..., 2021).

2.2.1. Особенности моделирования образа будущего в британском политическом дискурсе

Материалом для лингвистического анализа в плане выявления и описания особенностей лингвистического моделирования образа будущего в британском политическом дискурсе послужили речи и выступления 2019-2022 гг. бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра [Tony Blair speech..., 2019; Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020; Tony Blair: The Future of Britain..., 2022]. В качестве материала для проведения исследования на данном этапе также использовались речи действующего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона, который уделяет много внимания пандемии коронавируса и моделирует образ будущего, учитывая данный фактор. Данная тенденция прослеживается в его речах с момента начала пандемии до настоящего времени [Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020; U.K.'s Johnson Refuses..., 2022].

Контактоустанавливающий уровень. Тони Блэр решает задачу вовлечения целевой аудитории в диалог путём продвижения идеи социального партнёрства:

To win power, we need self-discipline not self-indulgence; listening to what people are truly saying, not hearing only the parts we want to hear (Tony Blair speech..., 2019).

Местоимение «*we*» выполняет интегративную функцию: транслируется мысль о том, что конструирование будущего, внимание к мнению граждан должно стать совместной целью всего социума (*we need, we want to hear*).

При этом в фокус высказывания помещается ответственность, что акцентируется при помощи префикса «*self-*», который используется в тех случаях, когда коммуникатор относит к себе определенные качества. В данном случае объём возлагаемых обязательств обозначается посредством конструирования концептуальной оппозиции (*self-discipline – self-indulgence*). Выдвижение в сильную позицию лексемы *self-discipline* (*we need self-discipline*

not self-indulgence) формирует следующий вектор иллокутивного воздействия: необходимо мобилизовать свои силы, преодолеть снисходительное отношение к прошлым ошибкам.

Близкие по семантике лексемы «*listening*» и «*hearing*» транслируют актуальную задачу: необходимо именно слушать, а значит уделять внимание тому, что говорит народ. В данном высказывании политик также прибегает к инверсии (*to win power*), использование которой направлено на выделение и акцентирование внимания на положительном эффекте, выгоде, которую можно добиться, если прислушиваться к мнению людей.

Тони Блэр ставит следующую задачу в области взаимодействия с социумом: необходимо ориентироваться на общественное мнение. Он использует стратегию сближения со своими сторонниками и демонстрирует, что мнение каждого имеет важное значение для социального развития, в том числе и проектирования будущего.

В такое непростое, беспокойное время особенно важно суметь объединить народ, дать ему веру в то, что совместными усилиями в будущем все получится уладить. Такую мысль пытается донести до аудитории Борис Джонсон:

We will succeed by collective effort, by following the guidance and with the help of weekly and almost daily improvements in the medicine and the science, we will ensure that next time we meet it will be face to face and cheek by jowl (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020).

Идея интеграции, мысль о том, как важно объединение на данном уровне передается тем же средством, что и у Тони Блэра – местоимением «*we*», которое отражает сплочение, слияние политика с народом. Так Борис Джонсон ориентирует слушателей относительно его видения будущего, в котором он вместе со всей страной будет стараться стабилизировать ситуацию, вызванную пандемией.

Перечисляя меры, которые он считает эффективными в борьбе с вирусом, политик использует анафорические параллельные конструкции (*by*

collective effort, by following the guidance; We will succeed, we will ensure; face to face, cheek by jowl). В его образе будущего именно коллективные усилия, соблюдение указаний помогут одержать победу.

Для того, чтобы придать народу еще больше уверенности в том, что все движется в верном направлении, Борис Джонсон применяет градацию, отражающую улучшения: *with the help of weekly and almost daily improvements in the medicine and the science*. Наука и медицина развиваются, совершенствуются настолько быстро, каждую неделю, практически ежедневно, что дает надежду на образ будущего без пандемии.

Посыл Бориса Джонсона – вместе не страшно столкнуться с болезнью, дать отпор подкрепляют наречия «*face to face*», «*cheek by jowl*». Данные наречия отражают то, насколько близко вирус оказался рядом с людьми, проник в их жизнь.

Однако, используемые в данном фрагменте лексемы с семантикой успеха, улучшений (*succeed, improvements*) свидетельствуют о том, что политик стремится смоделировать образ светлого будущего.

В данном случае Борис Джонсон моделирует образ будущего не только с помощью глаголов в форме будущего времени (*We will succeed, we will ensure, will be face to face*), но и прилагательного «*next*» (*next time we meet it*), которое употребляется для выражения последующих событий и, как правило, ближайшего будущего.

Концептуальный уровень. Тони Блэр моделирует образ будущего с учётом актуального социального контекста, включающего фактор пандемии. Мир уже не будет прежним, необходимо искать новые пути развития:

COVID-19 will usher in a world where insecurity and unpredictability constitute the new normal. Everything that was relevant and present before COVID will be there afterwards, except intensified and accelerated.

Companies will digitalize faster; innovation will be spurred by the necessity of finding new ways of working and cutting cost. Many things will not go back to the

way they were (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020).

В данных примерах прошлое (*was relevant and present*) противопоставляется будущему (*will usher, will digitalize, will be spurred, things will not go back*). Следует отметить, что приём контраста является одним из основных инструментов дискурсивного конструирования образа будущего. В данном случае будущее моделируется как непредсказуемое развитие событий в мире, управляемом принципом неопределённости (турбулентности): *will usher in a world where insecurity and unpredictability constitute the new normal*. Всё, что казалось правильным в прошлом, может получить иную оценку в будущем. Потенциальная возможность социальных преобразований, появление и развитие новых социокультурных форматов объективируются лексемами с семантикой новизны: *innovation, new (ways)*.

Примечательно, что Тони Блэр осуществляет трансфер нового знания о будущем путём его встраивания в уже сформированные эпистемические системы, что соответствует принципу континуальности семиозиса, то есть принципу сохранения и трансляции нового знания в матрицах предыдущего опыта [Серебренникова, 2017: 37].

We are living through three revolutionary changes simultaneously and are ill-prepared for any of them. Each of them would require major changes to the way we work as a nation. All of them together pose a challenge which is unprecedented in recent history. The changes are: Brexit; the technology revolution; and a climate ambition (Tony Blair: The Future of Britain..., 2022).

Диапазон иллюкативного воздействия образа будущего, которое моделируется в риторике инновационности (*revolutionary changes, unprecedented in recent history, the technology revolution, a climate ambition*) очерчивается посредством переключения дискурсивного регистра: от модальности вероятности (*Each of them would require major changes to the way we work as a nation*) к констатации реального положения дел (*All of them together pose a challenge which is unprecedented in recent history*). Увеличению диапазона воздействия способствуют повторы (*three revolutionary changes,*

major changes, The changes are).

Борис Джонсон не сомневается в том, что стране удастся одолеть коронавирус, его образ будущего моделируется на основе уже известных фактов и поступках людей, о которых знает все население:

I know the people of this country are going to defeat this virus because I have seen how the country has responded before, with the energy and self-sacrifice of the NHS, the care workers, the armed forces – the spirit that was incarnated in the bounding, boundless devotion of Captain Tom Moore (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020).

Уверенность в победе, намерение достичь этой цели в ближайшем будущем выражается ассертивностью с конструкцией «*going to*» (*I know the people of this country are going to defeat this virus*).

В моделируемом на данном уровне образе будущего Борис Джонсон особо отмечает работу врачей и системы здравоохранения (*with the energy and self-sacrifice of the NHS, the care workers, the armed forces*), но особо он выделяет героизм британского ветерана Второй мировой войны – Тома Мура (*bounding, boundless devotion of Captain Tom Moore*). Капитан сэр Том Мур прославился на всю Британию в результате того, что в 2020 году, в преддверии своего 100-го дня рождения, организовал сбор средств, которые пошли на борьбу с коронавирусом.

Борис Джонсон ориентирует население относительно моделируемого им образа будущего, включая в образ прагматически значимые концепты (врачи, Капитан сэр Том Мур), вдохновляя таким образом население и обогащая картину мира тех, для кого эти концепты концепты обладают определенной степенью новизны.

Продолжая воодушевлять людей и моделировать образ, в котором есть надежда на светлое будущее, Борис Джонсон обращается к истории и тем трудностям, которые стране уже удалось пережить:

We have been through too much frustration and hardship just to settle for the status quo ante – to think that life can go on as it was before the plague.

And it will not. Because history teaches us that events of this magnitude – wars, famines, plagues, events that affect the vast bulk of humanity, as this virus has do not just come and go. They are more often than not the trigger for an acceleration of social and economic change, because we human beings will not simply content ourselves with a repair job.

We see these moments as the time to learn and to improve on the world that went before. That is why this government will build back better (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020).

Для того, чтобы описать непростые времена, с которыми столкнулся народ, политик использует существительные «*frustration*», «*hardship*», демонстрирующие испытания, которые пришлось преодолевать.

До данного фрагмента прослеживалась серьезная идея борьбы с вирусом (*the people of this country are going to defeat this virus*), глагол «*to defeat*» употребляется обычно со значением «одолеть кого-то в битве», Борис Джонсон продолжает развивать эту идею. Метафора «*just to settle for the status quo ante*» является отсылкой к тому, что человечество воюет с коронавирусом. Статус-кво в данном случае привычная жизнь людей до пандемии. Кроме того, для Бориса Джонсона это не просто болезнь, он использует прием гиперболизации, сравнивая коронавирус с чумой (*to think that life can go on as it was before the plague*).

Борис Джонсон ориентирует аудиторию относительно нового образа жизни в будущем, к прежней жизни уже не получится вернуться (*to think that life can go on as it was before the plague. And it will not*). Однако, в будущем все может стать еще лучше, и Борис Джонсон перечисляет факторы, которые способствуют развитию общества (*events of this magnitude – wars, famines, plagues*). При обозначении этих неблагоприятных факторов употребляется повтор (*events of this magnitude, events that affect the vast bulk of humanity*). Такие бедствия, как войны, голод и болезни способны подтолкнуть общество к изменениям, смотивировать на более динамичное развитие в будущем (*They are more often than not the trigger for an acceleration of social and economic*

change).

Идея о том, что народ не будет довольствоваться прежним уровнем жизни и не остановится на восстановлении прежнего порядка, а в будущем будет стремиться к самосовершенствованию и развитию, передается пропозицией с модальным компонентом: «*we human beings will not simply content ourselves with a repair job*».

Даже из самых неблагоприятных моментов можно извлечь урок (*We see these moments as the time to learn and to improve on the world that went before*), об усвоении урока свидетельствует глагол «*to learn*». Борис Джонсон ориентирует свою аудиторию относительно образа, в котором предыдущие ошибки не только учтены, но и исправлены, способствуют только прогрессу и усовершенствованию (*That is why this government will build back better*).

Таким образом, Борис Джонсон моделирует образ будущего на концептуальном уровне, наполняя образ известными фактами и явлениями, при этом подкрепляя уверенность в светлом будущем примерами о том, как удавалось справляться с трудностями раньше благодаря усилиям населения.

Аффективный уровень. Эмоциональное восприятие обсуждаемой темы или предмета у большей части населения Британии провоцирует Брекзит:

But the problem with this position, is that there was no way of uniting the country over Brexit. Britain is deeply divided over it (Tony Blair speech..., 2019).

Брекзит в качестве темы британского политического дискурса связан с несовпадением эмоциональных переживаний относительно последствий такого политического решения (*there was no way of uniting the country over Brexit*), что является причиной разобщения населения (*Britain is deeply divided over it*). Моделирование образа будущего, содержанием которого становится выход Великобритании из Евросоюза, базируется на апелляции к эмоциональной сфере целевой аудитории, в частности к чувству долга, посредством активации деонтического модального оператора «*must*» (*Now that Brexit will happen, we must make the best of it and the country must come together*).

Другая стратегия, которую использует Тони Блэр – апелляция к опыту переживания социального кризиса в прошлом, что обосновывает необходимость преобразований как инструмента формирования позитивного будущего:

There is no cause for pessimism. But there is an urgent need for realism in the face of the three revolutions. Without a radical shift in policy, we face a steady, inexorable compound decline, similar to the 1960s and 1970s (Tony Blair: The Future of Britain..., 2022).

Для воздействия на аудиторию на аффективном уровне, Борис Джонсон выводит образ будущего в сентиментальном ключе, напоминая о том, какой была жизнь до пандемии. Он обещает, что в будущем все снова вернется к нормальной жизни, когда можно будет навещать своих близких и контактировать друг с другом, не соблюдая дистанции:

We are working for the day when life will be back to normal, flying in a plane will be back to normal, and hairdressers will no longer look as though they are handling radioactive isotopes, and when we can go and see our loved ones in care homes, and when we no longer have to greet each other by touching elbows as in some giant national version of the Birdie Dance (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020).

Прогнозированию светлого будущего способствуют повторы, гарантирующие, что совсем скоро можно будет не соблюдать коронавирусные ограничения и все снова будет происходить в пределах той нормы, к которой общество привыкло до пандемии: «*life will be back to normal*», «*flying in a plane will be back to normal*», «*hairdressers will no longer look as though they are handling radioactive isotopes*», «*we no longer have to greet each other by touching elbows*».

Намерение как можно скорее добиться положительного исхода в будущем подчеркивают сравнения (*look as though they are handling radioactive isotopes, as in some giant national version of the Birdie Dance*). Отчасти эти сравнения являются ироничными, что свидетельствует о том,

насколько все ограничения, вызванные пандемией, утомили людей. Данным фактом и обусловлено стремление одолеть коронавирус в ближайшем будущем, чтобы очерченный образ светлого будущего скорее стал реальным.

Волюнтативный уровень. Решая задачу формирования у целевой аудитории понимания сложности настоящего положения дел и в то же время сохранения её переживания будущего как позитивного развития событий, Тони Блэр использует приём игры на контрасте:

I have always been an optimist. For the first time in my political life, however, I am doubtful. Still hopeful but troubled (Tony Blair: *I've Always Been an Optimist...*, 2020).

Первая контрастивная пара: оптимизм как свойство его характера и опорный мировоззренческий концепт, выраженный посредством времени Present Perfect (*I have always been an optimist*) против сложного переживания актуального социального контекста, что выражается настоящим временем (*I am doubtful*). Неординарность такого переживания социальной ситуации подчёркивается инверсией: *For the first time in my political life, however, I am doubtful*. Вторая контрастивная пара: надежда и беспокойство (тревога): *Still hopeful but troubled*. Транслируя надежду на светлое будущее как образ, привлекательный для целевой аудитории, политик посредством актуализации эмоционально заряженной лексемы *troubled* (worried about the problems that you have) [Macmillan English Dictionary..., 2007: 1604] одновременно передает мысль о том, что позитивное развитие событий в будущем сопряжено с необходимостью преодолеть проблемы в настоящем.

В следующем фрагменте дискурса волюнтативность получает эксплицитное выражение в виде презентации комплекса действий, направленных на решение актуальных проблем:

Meeting the challenge of the three revolutions is infinitely more difficult than any of that and at a time when the economy is still recovering from Covid.

It means reorganising fundamentally the way government works; bringing in the brightest and the best innovators from outside government; a mobilisation of talent and resource we are nowhere near achieving.

And I don't think it can be done unless politicians work across traditional party lines to create a plan that is sustainable over at least a decade, because reforms as far-reaching and difficult as these require consistency of policy over time even through a change of government.

My Institute will set out, in a series of papers and seminars with a global as well as national perspective, at least the principles of this new policy agenda.

We want this conference to be an opportunity for people to come together and set out a broad direction for the future of Britain (Tony Blair: The Future of Britain..., 2022).

Намерения о будущих преобразованиях подтверждаются лексемами «*reorganising*», «*bringing in*», «*mobilisation*», а масштаб, серьезность таких перемен выражается следующими прилагательными: *far-reaching, global, broad*.

Эвалюативный уровень. На данном уровне Тони Блэр насыщает свою речь прилагательными, отражающими его оценку будущего:

The impact of dealing with the virus and the loss of economic activity, will be to produce a lot of hardship with the burden falling often on the most vulnerable.

Pre-existing injustices will seem even more unacceptable, releasing pent-up anger and possibly even social unrest. And social divisions will become more raw (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020).

Приведённый выше фрагмент дискурса насыщен языковыми дескрипциями, которые конструируют образ-прогноз будущего, содержащего отрицательно маркированные оценочные компоненты вследствие развития негативных процессов в настоящем (*the impact of dealing with the virus and the loss of economic activity*). Проблемное пространство будущего репрезентируется конфигурацией лексем с отрицательной оценочной семантикой: *hardship, burden, injustice, anger, social unrest, social divisions*.

Иллокутивная сила эмоционального переживания будущего, осложнённого социальными рисками, моделируется путём использования прилагательных в сравнительной (*injustices will seem even more unacceptable; social divisions will become more raw*) и превосходной (*a lot of hardship with the burden falling often on the most vulnerable*) степенях.

При этом моделирование образа будущего включает элементы оптимизма, который передаётся описанием политических решений, ориентированных на преодоление негативных последствий пандемии, что объективируется положительно маркированными номинациями (*sound policy, collaborative engagement, creative innovation*):

It has been a feature of the crisis that the governments who have handled it best have been those prioritizing evidence, sound policy, collaborative engagement and creative innovation. We can only hope this is the politics which emerges from the COVID nightmare (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020).

Образ будущего также моделируется на основе противопоставления старого и нового, продвигается идея преодоления дефицитов прежнего, изжившего себя мышления и традиционных сценариев как необходимого условия для конструирования позитивного будущего:

The choices will be hard. Old ways, old interests, old thinking don't go gently (Tony Blair: The Future of Britain..., 2022).

В своей оценке образа будущего Борис Джонсон стремится быть честным с народом, в том, что в будущем возможны еще более серьезные формы коронавируса, однако, в то же время он не теряет надежду на светлое будущее:

I've got to be absolutely frank with you – there could be a new variant more deadly, there could be a variant that affects children that we really need to contain. I'm not going to take any options off the table. But I don't think it will happen (U.K.'s Johnson Refuses..., 2022).

Ориентирование аудитории относительно образа будущего на данном уровне осуществляется за счет прилагательных (*frank* – как способ сблизиться

с аудиторией, *a new variant more deadly* – как способ описания прогнозов относительно вируса). Также предположения относительно того, как в будущем сложится ситуация с коронавирусом выражены повторами (*there could be a new variant more deadly, there could be a variant that affects children*). Тем не менее Борис Джонсон в своей оценке будущего выражает и позитивный исход с надеждой на то, что все не пойдет настолько далеко: *But I don't think it will happen*.

В результате проведенного анализа речей двух британских политиков, занимающих в разные периоды одну должность, можно выявить следующие особенности моделирования ими образа будущего и ориентирования аудитории относительно этого образа: оба политика моделируют образ будущего, учитывая актуальный социальный контекст, а именно – фактор пандемии, при этом оба подчеркивают необходимость поиска новых способов дальнейшего развития общества: *COVID-19 will usher in a world where insecurity and unpredictability constitute the new normal. Companies will digitalize faster; innovation will be spurred by the necessity of finding new ways of working and cutting cost* (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020); *We see these moments as the time to learn and to improve on the world that went before* (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020).

Политики также понимают трудности настоящего положения дел, однако не теряют надежду на светлое будущее и делятся этой надеждой со своей аудиторией: *I have always been an optimist. For the first time in my political life, however, I am doubtful. Still hopeful but troubled* (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020); *I've got to be absolutely frank with you – there could be a new variant more deadly, there could be a variant that affects children that we really need to contain. But I don't think it will happen* (U.K.'s Johnson Refuses..., 2022).

К ключевым ценностям британцев относят демократию, свободу, справедливость, равенство (перед законом, всех вероисповеданий, культур) [Stronach, Frankham, 2020; What are British values, 2016]. Ценности

иллюстрируют то, что важно для общества в конкретный период, они отображают его потребности [Barrett, Phil Clothier, 2013: 8]. Именно поэтому в политическом дискурсе авторы стараются апеллировать к общепринятым в обществе ценностям. В своих выступлениях Тони Блэр и Борис Джонсон при моделировании образа будущего акцентируют внимание на равенстве всего народа, стремятся объединить его.

На уровне языковой репрезентации образа будущего в политических речах Тони Блэра и Бориса Джонсона выявлены языковые (лексические и грамматические) средства, вербализующие различные векторы продвижения футурологических сценариев. К лексическим средствам относятся лексемы и словосочетания: *constitute the new normal, new ways of working; companies will digitalize faster; innovation will be spurred; creative innovation* (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020); *new policy agenda; revolutionary changes; major changes* (Tony Blair: The Future of Britain..., 2022); *a new variant* (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020). К морфологическим средствам можно отнести видовременные формы глаголов (*will, would*): *We will succeed by collective effort, by following the guidance and with the help of weekly and almost daily improvements in the medicine and the science, we will ensure that next time we meet it will be face to face and cheek by jowl* (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020); *Companies will digitalize faster; innovation will be spurred by the necessity of finding new ways of working and cutting cost. Many things will not go back to the way they were* (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020); *We are living through three revolutionary changes simultaneously and are ill-prepared for any of them. Each of them would require major changes to the way we work as a nation* (Tony Blair: The Future of Britain..., 2022). К синтаксическим средствам относится следующая группа средств: инверсия *To win power, we need self-discipline not self-indulgence* (Tony Blair speech..., 2019); *For the first time in my political life, however, I am doubtful* (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020); параллельные конструкции: *We will succeed by collective effort, by following the guidance and with the help of weekly and almost daily improvements*

in the medicine and the science, we will ensure that next time we meet it will be face to face and cheek by jowl (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020); повтор: «*events of this magnitude, events that affect the vast bulk of humanity*»; «*life will be back to normal*», «*flying in a plane will be back to normal*», «*hairdressers will no longer look as though they are handling radioactive isotopes*», «*we no longer have to greet each other by touching elbows*»; «*there could be a new variant more deadly, there could be a variant that affects children*» (Coronavirus: Boris Johnson says..., 2020).

Таким образом, установлено преобладающее использование лексических средств как инструментов моделирования образа будущего и конструирования его воздействующего потенциала.

2.2.2. Особенности моделирования образа будущего в немецком политическом дискурсе

Следующий этап исследования представлен анализом фрагментов немецкого политического дискурса по разработанной и представленной раннее уровневой системе. На данном этапе основу для изучения составили выступления нескольких политических лиц: Олафа Шольца, Федерального канцлера Германии [Bundestag Debatte..., 2020], Кристиана Линднера, главы Свободной демократической партии [Там же], Армина Лашета, бывшего председателя партии Христианско-демократического союза и бывшего премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия [So stellt sich..., 2021], Ральфа Бринкхауса, депутата Бундестага [Gespart wird an Dingen..., 2020].

Контактоустанавливающий уровень. В 2020 году в Бундестаге прошло собрание, посвященное тридцатой годовщине объединения Германии [Bundestag Debatte..., 2020]. На данном мероприятии свое видение будущего представили известные немецкие политики.

Главной повесткой собрания по поводу годовщины объединения страны является важность этого события для истории Германии и его значение для

будущего. Олаф Шольц (на 2020 год министр финансов Германии) демонстрирует значение этого явления, говоря о том, как повезло гражданам, что теперь они – одно целое, одна страна, за счет воссоединения расширяется возможность достижения светлого будущего:

Wir können die Zukunft nur miteinander gewinnen.

Wir sind ein Land, das ist geglückt (Bundestag Debatte..., 2020).

Местоимение «*wir*» в данном случае демонстрирует единство народа, Шольц также относит себя к своей аудитории, таким образом, моделируется единое, объединенное с народом представление об образе будущего, политик и народ ставятся наравне, они равнозначные партнеры коммуникации. Основная мысль данного фрагмента заключается в следующем: то, что народ объединился – большая удача, совместными усилиями можно преуспеть в будущем.

В стремлении расположить аудиторию к себе, Армин Лашет, возглавлявший с 16 января 2021 по 22 января 2022 Христианско-демократический союз Германии, применяет схожую стратегию:

Wir werden das ändern. Wir werden das besser machen. Dafür stehe ich persönlich ein (So stellt sich..., 2021).

Местоимение «*wir*» выполняет связующую функцию между членами общества, в данном случае снова транслируется мысль о том, что совместными усилиями можно смоделировать улучшенную версию образа будущего, исправить ошибки, допущенные в прошлом. Уверенность и твердое стремление достичь эту цель политик передает через глагол будущего времени *werden*. Усовершенствованную версию будущего политику помогает передать прилагательное в сравнительной степени *besser*, в свою очередь глагол *machen* подразумевает, что люди способны повлиять на образ будущего, это в их власти смоделировать желаемый ими образ. В то же время, Армин Лашет обязуется присоединиться к народу в выполнении этой задачи и также взять ответственность в моделировании будущего на себя (*Dafür stehe ich persönlich ein*).

Концептуальный уровень. Для обогащения картины мира населения, расширения его представления об образе будущего, Армин Лашет моделирует будущее, сопряженное с развитием технологий и модернизацией. Намеченный им путь развития на ближайшие годы можно обозначить одной фразой:

Jahrzehnt der Modernisierung (So stellt sich..., 2021).

Идея о будущих преобразованиях продолжает и дальше развиваться в ходе выступления Армина Лашета:

Staat und Verwaltung müssen digitaler, schneller, schlanker sowie flexibler und effizienter werden, Bürokratie muss abgebaut werden (So stellt sich..., 2021).

Данный фрагмент практически полностью состоит из прилагательных в сравнительной степени, служащих экспликации цели совершенствования технологий в управлении государством (*digitaler, schneller, schlanker, flexibler, effizienter*). Другой важной деталью в моделируемом Армином Лашетом образе будущего является запланированное упразднение бюрократии (*Bürokratie muss abgebaut werden*), что является подтверждением намеченной в органах власти модернизации. Укреплению этих стремлений способствует модальный глагол *müssen*, который подчеркивает важность планов политика, а также глагол *werden*, являющийся неотъемлемой частью выражения будущего времени.

Продолжая развивать образ будущего, полного перемен, политик пытается донести до своих сторонников, что грядущие перемены подвластны им, что выражается через глагол *können*:

Wir können Veränderung (So stellt sich..., 2021).

Наиболее актуальная в последние три года для всех стран тема пандемии также упоминается в выступлении Армина Лашета. Он пытается смоделировать позитивный образ будущего, в котором кризис, спровоцированный коронавирусом удастся преодолеть:

Die Krise muss genutzt werden, um als gestärktes, geeintes und erneuertes Land nach der Pandemie voranzukommen (So stellt sich..., 2021).

Облигаторность прохождения через имеющиеся препятствия, решить

насущенные проблемы выражена модальным глаголом «*müssen*», при этом вероятный благоприятный исход в будущем выражен не только эксплицитно посредством прилагательных с положительной коннотацией, описывающих, какая усовершенствованная, более сильная и обновленная версия страны ожидается в будущем (*gestärktes, geeintes, erneuertes*); но и имплицитно заложена мысль о том, что даже из самых неблагоприятных ситуаций можно извлечь урок и обернуть их в свою пользу (в данном случае глагол «*nutzen*» берет на себя основную нагрузку в выражении смысла извлечения выгоды): *Die Krise muss genutzt werden.*

Дальнейшие перспективы преобразований касаются также сферы экономики и экологии:

Das Verhältnis von Staat, Wirtschaft und Ökologie muss neu justiert werden.

Im Sinne von Wirtschaft und Industrie muss es «Vorfahrt für Zukunftstechnologien» geben (So stellt sich..., 2021).

Намерение реформировать перечисленные отрасли отражается при помощи лексем «*neu*» и «*Zukunftstechnologien*», подразумевающих использование в будущем более развитых технологий.

Образ будущего, направленный на расширение представлений о текущей ситуации в мире, сопряженные при этом с перспективами на будущее конструирует Ральф Бринкхаус [*Gespart wird an Dingen..., 2020*]. Бринкхаус является финансовым экспертом, по состоянию на 2020 год возглавляет парламентскую группу в Бундестаге, в которой объединены Христианско-демократический союз Германии и Христианско-социальный союз Баварии. Моделируемый им образ будущего напрямую связан с учетом долгосрочных последствий деятельности правительства и формируется в основном за счет оценки этих действий. Таким образом, Ральф Бринкхаус создает образ будущего, описывая сложившееся в стране положение, включая при этом свое видение последствий, которые будут вызваны текущей ситуацией:

Wir werden in den Jahren nach der Corona-Krise Haushalte haben, in denen

wir sparsam mit dem Geld umgehen müssen. Und dann darf eines nicht passieren: dass wir ausgerechnet bei Investitions- und Zukunftsprojekten sparen (Gespart wird an Dingen..., 2020).

Данный фрагмент иллюстрирует аспект экономики, который представляет в будущем для Ральфа Бринкхауса особенную ценность – инвестиции в будущие проекты. Образ будущего в данном случае смоделирован посредством контраста, воплощенный лексемами «*sparsam*» и «*sparen*». Семантическое значение в данном случае одно: обходиться экономно, экономить. Однако, лексемы относятся к разным частям речи («*sparsam*» - прилагательное, «*sparen*» - глагол) и употреблены по отношению к двум полярным аспектам жизни, в чем и заключается противопоставление.

Haushalte, in denen wir sparsam mit dem Geld umgehen müssen – сначала Ральф Бринкхаус заявляет о том, что в будущем придется экономно расходовать средства, выделенные на ведения хозяйств, вынужденная экономия обусловлена кризисом, спровоцированной пандемией. При этом, есть сферы, на которых ни в коем случае экономить нельзя, это относится к развитию будущих проектов: *Und dann darf eines nicht passieren: dass wir ausgerechnet bei Investitions- und Zukunftsprojekten sparen*.

Кроме того, можно проследить, что противопоставление заключается не только в использовании лексем с одинаковой семантикой, еще одной контрастивной парой можно считать «*Haushalte*» и «*Investitions- und Zukunftsprojekte*». Хозяйство, бюджет в данном случае является отражением настоящего, уже имеющегося, накопленного состояния, а инвестиции и будущие проекты непосредственно отражают дальнейшие намерения.

Аффективный уровень. Олаф Шольц пытается воздействовать на чувства аудитории, напоминая о значении единства и согласия среди людей. Акцентируется тот факт, что объединение страны, единство народа способно преодолеть в будущем любые трудности, в частности в сфере экономики и промышленности. Неудивительно, что данная сфера беспокоит Олафа Шольца, учитывая его пост и обязанности:

Die Wiedervereinigung ist mit einem «riesigen ökonomischen Strukturbruch» verbunden gewesen. Es werde die nächsten Jahre noch weitere große Umbrüche geben, mit Blick auf die Kohle- und Autoindustrie (Bundestag Debatte..., 2020).

Политик говорит о том, что объединение было вызвано экономическим разрывом между частями страны, то есть предполагалось, что воссоединение будет способствовать сокращению этого разрыва. Во многом данные прогнозы оказались верны, однако проблема еще не решена полностью.

Использование конструкции *werden + Infinitiv*, то есть формы будущего времени Futur I во фразе «*Es werde die nächsten Jahre noch weitere große Umbrüche geben*» указывает на твердую уверенность политика в неизбежности этих трудностей в будущем.

Необходимо отметить, что переломные моменты в будущем характеризуются посредством прилагательных со схожим семантическим значением «*riesig*» и «*groß*», отличающимися, однако, степенью градации: «*riesig*» – гигантский, «*groß*» – большой.

Использование таких лексем интенсифицирует потенциал актуальности и значимости явления, создается ощущение, что ситуация обостряется и это необходимо пресечь. Тем не менее, наблюдается прогресс, улучшение положения, при этом прослеживается прогноз на улучшение в будущем. До воссоединения экономический разрыв был колоссальным (*riesigen ökonomischen Strukturbruch*), в дальнейшем же ожидаются масштабные потрясения (*noch weitere große Umbrüche*). Моделируя такой реалистичный образ будущего, не приукрашивая его, Олаф Шольц апеллирует к чувствам аудитории, призывая задуматься о будущем страны.

Другой прием влияния на чувства аудитории в ходе данного мероприятия использует Кристиан Линднер, глава Свободной демократической партии. Для того, чтобы формируемый политиком образ будущего нашел отклик среди населения, он обращается к важной теме, особенно волнующей в течение долгого времени определенную часть населения:

Ziel muss es sein, Ostdeutschland in den nächsten Jahren zu einem Zukunftsland zu machen (Bundestag Debatte..., 2020).

Несмотря на то, что объединение страны произошло 30 лет назад, все еще прослеживается неравномерное развитие ее частей. Обращение Кристиана Линднера направлено в основном на жителей восточной части страны, он считает необходимым в последующие годы вывести восток на новый уровень. Значение этой цели интенсифицируется модальным глаголом «*müssen*», что также повышает потенциал влияния на эмоциональную сферу аудитории, пробуждая в них таким образом чувство долга принять участие в создании описанного политиком образа будущего.

Армин Лашет, описывая главные темы предвыборной программы своей партии, также пытается выделить насущные вопросы и включает их в перечень важнейших аспектов в будущем:

Pandemie überwinden, Verwaltung digital modernisieren, Klimawohlstand durch Innovation, Zusammenhalt bewahren (So stellt sich..., 2021).

В перспективе моделируется позитивный образ будущего, который в первую очередь зависит от сплоченности народа (*Zusammenhalt bewahren*). Основные направления в намеченном партией политическом курсе в данном фрагменте выражены с помощью настоящего времени (*überwinden, modernisieren, bewahren*). В некоторых случаях презентные формы используются для обозначения будущего, что свидетельствует об уверенности политика, что этих целей удастся достичь.

Кроме того, образ будущего вырисовывается в контексте создания инноваций и осуществления модернизаций, что также может имплицитно выражать поставленную политиком задачу на будущее. Воплощению данного образа способствуют лексемы *digital modernisieren, Innovation*.

Эмоциональная составляющая образа будущего играет большую роль. Представления о будущем могут провоцировать у многих переживания, каждый испытывает тревогу за своих близких и желает им только светлого будущего, в котором все насущные текущие проблемы будут решены.

Чтобы вызвать у аудитории наиболее эффективное восприятие моделируемого им образа будущего, Ральф Бринкхаус пытается воззвать к чувству долга, напомнив об ответственности за следующие поколения:

Wir sind auch für die folgenden Generationen zuständig, für jene, die momentan noch nicht wählen können (Gespart wird an Dingen..., 2020).

Ощущение общей ответственности усиливается повтором, который будто бы напоминает, для кого всем нужно объединиться, чтобы создать образ светлого будущего: «*für die folgenden Generationen*», «*für jene, die noch nicht wählen können*». В приведенном примере также можно выявить противопоставление будущего, выраженное прилагательным «*folgend*» настоящему, что воплощается наречием «*momentan*». Будущее при этом демонстрируется как нечто надежное, прилагательное «*folgend*» дополняет другое прилагательное «*zuständig*». Во второй части фрагмента говорится о настоящем, отсутствует любое подтверждение уверенности в происходящем, также в настоящем у некоторых еще нет возможности выбора (*momentan noch nicht wählen können*), но она непременно появится в будущем.

Волюнтативный уровень. Армин Лашет, стараясь ориентировать аудиторию на прогнозируемый им образ будущего, говорит о своем желании превратить Германию в страну творцов, людей дела, что будет способствовать дальнейшему развитию страны:

Deutschland soll zum «Land der Macherinnen und Macher» weiterentwickelt werden (So stellt sich..., 2021).

Для выражения своих намерений он использует смягченный оператор модальности «*sollen*», который как правило используется для передачи просьбы и указания. Модальный глагол в данном случае выполняет ориентирующую функцию аудитории по отношению к запланированному политиком исхода в будущем, является транслятором его желаний.

Использование существительных «*Macherinnen*» и «*Macher*» в первую очередь подчеркивает, что важны все члены общества, равная роль отводится

и женщинам, и мужчинам, а также имплицитно выражена идея того, что каждый несет ответственность за моделируемый образ будущего, является его «творцом».

В заключительной части дискурса намечен дальнейший вектор развития, объективируемый глагольным сочетанием «*weiterentwickelt werden*». Данная задача осуществляется при помощи сравнительной степени *weiter* (которая самостоятельно, даже без глагола «*entwickeln*» имеет семантическое значение «продолжение, переход на следующий этап»), а в совокупности с будущим временем, выраженным глаголом «*werden*» потенциал позитивного, усовершенствованного образа будущего усиливается.

Армин Лашет также открыто заявляет о желаемом образе будущего, включающем идею о благополучии общества:

Chancen eröffnen: Das ist die Republik, von der ich träume (So stellt sich..., 2021).

Ориентирование аудитории в данном случае осуществляется за счет воздействия на нее посредством заявления о желании уравнивать возможности и шансы всего общества (*Chancen eröffnen*). Несомненно, в таком случае возрастают шансы на успех не только у общества, но и у политика, заявляющего о таких мечтах в своей предвыборной кампании.

Ральф Бринкхаус, ориентируя аудиторию относительно своего видения образа будущего, напрямую заявляет о том, что является для него важным в плане будущего развития:

Ich plädiere für eine Richtgröße für Investitionen in Infrastruktur und Zukunftsbereiche, aber auch für Ausgaben in Forschung, in Entwicklung, künstliche Intelligenz, in Digitalisierung, in Bildung (Gespart wird an Dingen..., 2020).

Волюнтаристичность в данном случае эксплицируется глаголом «*plädieren*», отражающим наиболее важные для Ральфа Бринкхауса аспекты политического курса, в поддержку которых он высказывается. Фрагмент наполнен множеством лексем, однако они объединены семантикой новизны, модернизации, усовершенствования и развития технологий, технического

прогресса: «*Zukunftsbereiche*», «*Entwicklung*», «*künstliche Intelligenz*», «*Digitalisierung*». Такое разнообразие единиц одного семантического поля свидетельствует о том, какой вектор в формировании образа будущего предпочтителен для политика.

Далее Ральф Бринкхаус продолжает свою мысль, ориентируя аудиторию на долгосрочность, длительность моделирования образа будущего, подчеркивая тот факт, что результат предпринимаемых действий можно будет оценить как минимум спустя десятилетия:

Das sind alles Dinge, wovon im Zweifel keine unmittelbare Wirkung ausgeht, sondern die man erst in 15 oder 20 Jahren sieht (Gespart wird an Dingen..., 2020).

Таким образом, у слушателей будет генерироваться чувство ответственности за то, что они совершают в настоящем, что каждый из них вкладывает в понятие будущего, т.к. все это будет иметь продолжительный эффект в дальнейшем. Сделав на этом акцент, политик может получить одобрение большей части населения, поскольку развитие технологий принято соотносить с благоприятным исходом в будущем, улучшением качества жизни.

Как и в предыдущем примере, Ральф Бринкхаус прямо заявляет о том, что для него является приоритетом в будущем:

Meine Priorität bei allen Entscheidungen der kommenden Monate und auch Jahre: Die Kindergärten, Schulen und Hochschulen als Häuser des Wissens und des Austauschs müssen stark gemacht werden und offen sein (Gespart wird an Dingen..., 2020).

В данном случае снова прослеживается долгосрочность в моделировании образа будущего (*Entscheidungen der kommenden Monate und auch Jahre*), а также выделяется еще один важный элемент развития общества, помимо совершенствования в области технологий – образование: *Die Kindergärten, Schulen und Hochschulen als Häuser des Wissens und des Austauschs müssen stark gemacht werden und offen sein*.

При этом формируется не просто образ будущего, в котором качество

жизни улучшится в результате повышения качества образования, политик стремится сделать образование доступным каждому. Реализации данного намерения содействуют прилагательные «*stark*», «*offen*».

Эвалюативный уровень. Армин Лашет при моделировании образа будущего оценивает успешность перемен, напрямую связывая данный фактор с доверием народа:

Veränderung werde aber nur gelingen, wenn Menschen uns glauben, dass wir das können. Vertrauen entstehe, wenn Ehrlichkeit im Mittelpunkt der Politik stehe. Dies ist die wichtigste Währung auch bei der Modernisierung (So stellt sich..., 2021).

Исключительность того факта, что изменить будущее получится только в сочетании с верой населения подчеркивается наречием «*nur*». Значение честности со стороны государства и доверия как ответной реакции со стороны народа определяется метафорой «*die wichtigste Währung*». Только искренностью можно завоевать благосклонность народа, затем можно рассчитывать на результативные изменения. Таким образом, в данном фрагменте наблюдается имплицитная попытка сблизиться с аудиторией, придав особую роль ее мнению.

Ральф Бринкхаус, оценивая политический курс, связывает его с образом будущего и использует при этом лингвокультурологический аспект. Грамотное применение которого позволяет добавить в речь политика игру слов, основанную на многозначности. В результате это способствует смещению акцента на важные составляющие жизни общества, которые будут также актуальны и в будущем:

Beim Begriff Nachhaltigkeit denkt jeder zuerst an Klimaschutz, aber das ist zu kurz gedacht. Es geht auch darum, wie Arbeit, wie Bildung, wie das Gesundheitssystem, wie Gerechtigkeit, wie Arbeit morgen aussehen. Und natürlich auch, welche Finanzen wir den kommenden Generationen hinterlassen. Das ist nachhaltige Politik (Gespart wird an Dingen..., 2020).

В немецком языке «*Nachhaltigkeit*» можно перевести как «постоянство»,

«стойкость», но чаще всего это слово обозначает термин, который в русском языке означает «устойчивость окружающей среды». Сначала Ральф Бринкхаус говорит о том, что в основном данный термин сопровождают ассоциации по снижению воздействия на изменения климата. Затем формируется мысль о том, что нужно мыслить шире, устойчивость стоит применить для будущего развития общества, его социальной сферы (*Arbeit, Bildung, Gesundheitssystem, Gerechtigkeit*). Релятивность к будущему обозначена лексемами «*morgen*» и «*kommend*», смысловая наполненность которых выражает предстоящие события.

В данном фрагменте дается оценка тому, какой стабильности и устойчивости необходимо достичь в будущем, оценивается сущность «устойчивой политики», образ будущего наполняется компонентами, которые будут способствовать непрерывному развитию общества.

К средствам, с помощью которых объективируется образ будущего в немецком политическом дискурсе, относится форма будущего времени, выраженная глаголом «*werden*»: «*Es werde die nächsten Jahre noch weitere große Umbrüche geben, mit Blick auf die Kohle- und Autoindustrie*», «*Deutschland soll zum «Land der Macherinnen und Macher» weiterentwickelt werden*» (Bundestag Debatte..., 2020); «*Wir werden das ändern. Wir werden das besser machen. Dafür stehe ich persönlich ein*», «*Staat und Verwaltung müssen digitaler, schneller, schlanker sowie flexibler und effizienter werden, Bürokratie muss abgebaut werden*», «*Die Krise muss genutzt werden, um als gestärktes, geeintes und erneuertes Land nach der Pandemie voranzukommen*» (So stellt sich..., 2021); *Wir werden in den Jahren nach der Corona-Krise Haushalte haben, in denen wir sparsam mit dem Geld umgehen müssen* (Gespart wird an Dingen..., 2020). Отдельно стоит отметить, что речи политических деятелей Германии насыщены прилагательными с семантикой футуристичности: *digital, schnell, flexibel, effizient, erneuertes* (So stellt sich..., 2021); *folgend* (Gespart wird an Dingen..., 2020).

Отдельно стоит отметить, что в моделировании образа будущего у двоих

политиков – Армина Лашета и Ральфа Бринкхауса во многом совпадают концепты, которые формируют ядерный смысл образа будущего. Среди данных концептов можно выделить следующие: инновации, модернизация, равные шансы для осуществления трудовой деятельности и получения образования: «*Jahrzehnt der Modernisierung. Staat und Verwaltung müssen digitaler, schneller, schlanker sowie flexibler und effizienter werden, Bürokratie muss abgebaut werden*»; «*Chancen eröffnen: Das ist die Republik, von der ich träume*»; «*Im Sinne von Wirtschaft und Industrie muss es «Vorfahrt für Zukunftstechnologien» geben*» (So stellt sich..., 2021); «*Ich plädiere für eine Richtgröße für Investitionen in Infrastruktur und Zukunftsbereiche, aber auch für Ausgaben in Forschung, in Entwicklung, künstliche Intelligenz, in Digitalisierung, in Bildung*»; «*Meine Priorität bei allen Entscheidungen der kommenden Monate und auch Jahre: Die Kindergärten, Schulen und Hochschulen als Häuser des Wissens und des Austauschs müssen stark gemacht werden und offen sein*» (Gespart wird an Dingen..., 2020).

Совпадение взглядов на будущее, образов будущего неслучайно, поскольку оба политических деятеля являются членами одной партии – Христианско-демократического союза Германии.

Таким образом, Армин Лашет и Ральф Бринкхаус ориентируют свою аудиторию относительно моделируемого им образа будущего, оперируя в основном концептом новизны, а Олаф Шольц и Кристиан Линднер, в свою очередь, стремятся донести мысль о том, что вероятность достижения успеха в будущем возрастет, если вся страна примет для этого усилия, объединится: «*Wir können die Zukunft nur miteinander gewinnen. Wir sind ein Land, das ist geglückt* (Bundestag Debatte..., 2020); «*Ziel muss es sein, Ostdeutschland in den nächsten Jahren zu einem Zukunftsland zu machen* (Bundestag Debatte..., 2020).

В данном случае совпадение смыслов, интегрируемых в образ будущего обусловлено не принадлежностью к одной партии, а выступлением на одном мероприятии и тематикой этого события.

Кросс-культурный анализ политического дискурса, выполненный

в рамках практической части исследования позволяет выделить общие черты. В речах политических деятелей прослеживается схожесть тем, вокруг которых моделируется образ будущего. Неоднократное упоминание таких социальных явлений как пандемия, изменение климата, развитие технологий и повышение качества жизни граждан, равенство прав, позволяет сделать вывод о том, что социальный контекст, формируемый в рамках перечисленных явлений, актуален для всех рассматриваемых в рамках данного исследования культур.

В анализируемых фрагментах политического дискурса данные социальные концепты часто интегрируются, что подтверждает равную значимость этих явлений для общества. Фактор пандемии часто упоминается совместно с развитием технологий, дальнейших инвестиций и проектов: *COVID-19 will usher in a world where insecurity and unpredictability constitute the new normal. Companies will digitalize faster; innovation will be spurred by the necessity of finding new ways of working and cutting cost. Many things will not go back to the way they were* (Tony Blair: I've Always Been an Optimist..., 2020); *Wir werden in den Jahren nach der Corona-Krise Haushalte haben, in denen wir sparsam mit dem Geld umgehen müssen. Und dann darf eines nicht passieren: dass wir ausgerechnet bei Investitions- und Zukunftsprojekten sparen* (Gespart wird an Dingen..., 2020).

Развитие технологий в моделируемом политиками образе будущего связывают также с вопросом изменения климата и улучшения жизни населения: *Я надеюсь, что мы вместе найдем ответы на все вызовы цифровизации и построим наш союз с самыми современными информационными технологиями для лучшей жизни наших людей* (Мишустин показал, как будет выглядеть будущее налогоплательщиков, 2020); *Нам нужны новые подходы к таким базовым понятиям, как «рабочий день», «рабочее место. Речь идёт о более лояльной организации рабочего времени: гибкие графики, дистанционные форматы, вызов сотрудников по мере необходимости* (108-я сессия Международной конференции труда, 2019); *The changes are: Brexit; the technology revolution; and a climate ambition* (Tony

Blair: *The Future of Britain...*, 2022); *Pandemie überwinden, Verwaltung digital modernisieren, Klimawohlstand durch Innovation, Zusammenhalt bewahren* (So stellt sich..., 2021); *Beim Begriff Nachhaltigkeit denkt jeder zuerst an Klimaschutz, aber das ist zu kurz gedacht. Es geht auch darum, wie Arbeit, wie Bildung, wie das Gesundheitssystem, wie Gerechtigkeit, wie Arbeit morgen aussehen* (Gespart wird an Dingen..., 2020).

В результате рассмотренных примеров из речей политических деятелей-представителей разных культур можно заключить следующее: представители русской, британской и немецкой культуры моделируют образ будущего, опираясь в основном на концепт модернизации, инноваций. Политики также стремятся сконструировать образ светлого будущего, в котором все граждане будут иметь равное право на образование, трудовую деятельность, а условия их жизни в будущем будут меняться исключительно в лучшую сторону, однако для этого всему населению нужно приложить усилия – объединиться, тогда этих целей удастся достичь. В речах британских и немецких политиков также упоминается фактор изменения климата, уделяется внимание экологии, совершенствование технологий связано с намерением решить эту проблему. В выступлениях российских политиков вектор смещается в другую сторону, цифровизация направлена на социальную сферу, совершенствуя образовательный процесс и трудовую деятельность населения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

При изучении любого типа дискурса, в том числе политического, можно проследить, каким образом автор сообщения (политик) структурирует информацию, посредством каких языковых средств он стремится донести до аудитории свои мысли, тем самым осуществляя ориентирующее воздействие на своих слушателей. Рассмотрение ориентирующего потенциала политических речей включает классификацию и описание уровней ориентирующего воздействия.

Уровни ориентирующего воздействия рассматриваются в рамках ориентирующей функции языка, связаны с его интерпретационной ролью. Основными функциями языка являются коммуникативная и мыслеформирующая (когнитивная) функции.

К более частным функциям языка относятся следующие: констатирующая, вопросительная, апеллятивная, экспрессивная, контактоустанавливающая. Коммуникативная и когнитивная функции могут быть объединены в одну – ориентирующую функцию языка. Данная функция языка предполагает намеренное, осознанное воздействие на адресата при помощи языковых единиц.

На основе комплексного анализа фрагментов российского, британского и немецкого политических дискурсов выявлены общие характеристики моделирования образа будущего. К ним относятся:

- 1) темы, мотивированные актуальной глобальной повесткой: пандемия коронавируса, проблемы, связанные с изменением климата, условия жизни граждан;
- 2) инновационность как концептуальное ядро образа будущего;
- 3) единение, консолидация общества как условие успешной реализации планов преобразования настоящего и создания светлого будущего. Идея единения продвигается посредством использования воздействующего потенциала консолидирующих языковых номинаций, в частности,

местоимения «мы» («we», «wir»);

4) оптимизм как составляющая позитивного мышления, ориентированного на преодоление трудностей и успешное решение задач по созданию нового мира;

5) алгоритм моделирования образа будущего в формате дискурсивного воздействия: от установления контакта до реализации перлокутивного эффекта.

Культурная специфика образа будущего формируется в области ценностных предпочтений лингвокультур, обладающих собственными системами аксиологических координат, репрезентируемых функционально-специализированными единицами – аксиологемами. Центральная роль при моделировании образа будущего принадлежит категории времени: образ будущего конструируется в плоскости сопряжения и сопоставления временных периодов.

Образ будущего моделируется на разных уровнях дискурсивизации: контактоустанавливающем, концептуальном, волюнтативном, аффективном, эвалюативном.

Моделирование образа будущего осуществляется посредством комплексного использования разноуровневых языковых средств: лексических, грамматических и стилистических.

Установлено, что ведущую роль в моделировании образа будущего в российском политическом дискурсе играют лексические средства: термины, контекстные синонимы и антонимы. Наблюдается также использование стилистических средств: приёмов контраста и повтора.

В британском и немецком политических дискурсах отмечается более разнообразное использование стилистических средств: эпитетов, антитезы, контраста и повтора.

Поскольку уровни ориентирующего воздействия находятся в тесной связи друг с другом, могут пересекаться, некоторые сегменты политического дискурса могут быть отнесены к нескольким уровням одновременно,

в зависимости от фокуса интерпретации, сконструированной адресантом речевого сообщения.

При соблюдении иерархии уровней – от попытки сблизиться с аудиторией, установить контакт, до оценивания содержания политического выступления, концептов, которые формируют его смысл, возрастает ориентирующий потенциал дискурса, продвигающего образ будущего в сознание целевой аудитории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной науке моделирование применяется в тех случаях, когда объект изучения недоступен для непосредственного наблюдения. Выявление скрытого механизма функционирования объекта возможно посредством моделирования его образа-налога. В лингвистике при помощи языковых средств можно моделировать различные неосознаваемые категории, например категорию времени, в частности, будущего.

Представление о текущем состоянии общества зависит от того образа будущего, которое моделируется в данной культурной среде. Изучая образ будущего, можно выявить ценности и стремления отдельных социальных групп и общества в целом, проследить намечающиеся приоритеты его дальнейшего развития. Образ будущего содержит компоненты коллективного бессознательного, передающие скрытые страхи и надежды, желания и мечты.

Ярким примером моделирования образа будущего в социальной жизни является политический дискурс. Политический дискурс представляет собой своеобразную знаковую систему, которой свойственна определенная степень воздействия на адресата, что во многом обусловлено средствами речи, актуализируемыми в рамках той или иной стратегии политического дискурса. Среди тактик политического дискурса исследователи дифференцируют тактику создания образа светлого или темного будущего, суть которой заключается в предсказании будущего и попытки спрогнозировать, как настоящее влияет на содержание будущего.

Политический дискурс призван эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую картину мира. Функциями политической коммуникации выступают проекция в будущее, создание образа светлого или темного будущего, предсказывание возможного будущего и как в нем отразится настоящее. Такое конструирование образа будущего возможно достичь путем использования лексем, отражающих определенное видение, модель будущего, а также комплексного

инструментария, включающего разноуровневые средства ориентирующего воздействия. Все это в совокупности дает полное представление о том, как видит будущее политик и как он воздействует на аудиторию, пытаясь донести до нее моделируемый им образ. Образ будущего является одним из эффективных инструментов продвижения политических идей. Установлено, что моделирование образа будущего осуществляется по типу ориентирующего воздействия на целевую аудиторию посредством активации и позиционирования в дискурсивном пространстве лексических единиц и грамматических форм, реализующих иллокутивное задание коммуникатора. Основным стилистическим средством, способствующим усилению дискурсивного воздействия во всех рассматриваемых лингвокультурах является повтор.

В анализируемых фрагментах политического дискурса политики применяют стратегию театральности, реализуемую при помощи тактики обещания и побуждения. Политические речи, в которых моделируется образ будущего эмоционально воздействуют на аудиторию, воздействуют на ее волевую сферу, ориентируют аудиторию относительно взглядов и прогнозов политиков на будущее. Кроме того, населению гарантируется светлое будущее вопреки имеющимся в данный момент трудностям.

Несмотря на то, что все речи политиков, рассматриваемые в рамках данного исследования, анализируются по одному алгоритму – согласно уровням ориентирующего воздействия, для каждой культуры можно выявить особенности конструирования политического дискурса. Культурная специфика дискурса обусловлена ценностями, превалирующими в определенной лингвокультуре. Ключевыми ценностями русской культуры являются душа, добро, забота о ближнем, значимость труда и честной работы, коллективизм. К основным ценностям британцев причисляют демократию, свободу, справедливость, учет всех мнений, равенство (перед законом), всех вероисповеданий, культур. Для немецкой культуры характерны порядок, точность, расчетливость, забота об экологии. Все эти ценности находят свое

отражение в политическом дискурсе при моделировании образа будущего. Аксиологические приоритеты лингвокультур формируют фокусы дискурсивного воздействия на адресата. Центральной для моделирования образа будущего является категория времени: отношение к времени формирует вектор воздействия на целевую аудиторию.

В рамках данного диссертационного исследования выявлено, что лингвистическое моделирование образа будущего имеет комплексный характер. Образ будущего конструируется одновременно на нескольких разных уровнях дискурсивизации, а именно: контактоустанавливающем, концептуальном, волюнтаристическом, аффективном и эвалюативном.

На контактоустанавливающем уровне решается задача достижения коммуникативной солидарности путем активации языковых операторов, включающих коммуникантов в интеграционное пространство социального партнерства. На концептуальном уровне имеет место конструирование конфигураций, отражающих значимые компоненты актуальной социальной повестки и аттрактивное содержание будущего, воплощённого в основном в риторике инновационности. Аффективный уровень включает в переживание образа будущего эмоциональную составляющую, что формирует аттрактивность дискурсивной дестинации. На волюнтаристическом уровне укрупняется фактор интенциональности коммуникатора, который ориентирует целевую аудиторию в отношении своих желаний, намерений, стремлений и целевых установок относительно будущего. Эвалюативный уровень отражает заложенную в когниции и языке оценочность, которая проявляется, в частности, при сопоставлении настоящего и будущего развития событий. Целевое назначение каждого уровня реализуется посредством активации функционально-специализированных языковых единиц, в совокупности своей обеспечивающих иллюкативное воздействие на адресата.

Дальнейшая перспектива исследования заключается в возможности рассмотрения моделирования образа будущего в других культурах, а также

других типах дискурса, например, художественном. Кроме того, предложенный в рамках данного исследования уровневый анализ дискурса позволяет соизмерять вклад различных категорий и концептов в конструирование содержания и инструментария дискурсивного воздействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 403–409.
2. Алтунян А.Т. Анализ политических текстов: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 383 с.
3. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т.1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1981. 295 с.
5. Арутюнова Н.Д. Функции языка // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. 609 с.
6. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 267–279.
7. Базовые ценности носителей русской культуры: учебное пособие для студентов-иностранцев / И. В. Вашунина, В.В. Дронов, В.А. Ильина [и др.]; под ред. Е.Ф. Тарасова. Москва: РУДН, 2020. 479 с.
8. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
9. Барсегян А.А., Куприянов М.С., Степаненко В.В., Холод И.И. Технологии анализа данных: Data Mining, Visual Mining, Text Mining, OLAP. СПб: БХВ-Петербург, 2008. 384 с.
10. Беляев В.И. История философии и науки (педагогика): учебное пособие для аспирантов, обучающихся по специальностям 13.00.01 и 13.00.02. Магадан: Изд-во СВГУ, 2011. 242 с.
11. Блох М.Я., Фрейдина Е.Л. Публичная речь и ее просодический строй. М.: Прометей, 2011. 341 с.

12. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2000. 123 с.
13. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 25–36.
14. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2221605> (дата обращения: 19.09.2020).
15. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Модель // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
16. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2. С. 6–34.
17. Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7191> (дата обращения: 04.10.2020).
18. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БКБ им. И.А. Бодуэна де Кутернэ, 2000. 308 с.
19. Денисов П.Н. Принципы моделирования языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. С. 113–114.
20. Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
21. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / под общ. ред. Е.Ф. Серебrenниковой. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. 285 с.
22. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. М.: Азбука, 2014. 384 с.
23. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. 496 с.
24. Дьяченко И.А. Функционально-прагматическая специфика политического дискурса // Основные проблемы гуманитарных наук: Сб. науч.

тр. по итогам международной научнопрактической конференции. Волгоград: Издательство «Спецкнига», 2014. 72 с.

25. Егорычев А.М. Русская культура: традиционные смыслы и ценности, лежащие в основе развития современной России / А. М. Егорычев, А. В. Ткаченко // ЦИТИСЭ. 2017. № 4(13). С. 12.

26. Золкин А.Л. Цивилизационная парадигма социализации и инкультурации молодежи: философские аспекты // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 7–9.

27. Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 19 с.

28. Исенко А.И. Музыкальное моделирование как новый метод фортепианного обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук: М., 1996. 22 с.

29. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.

30. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

31. Казыдуб Н.Н. Аксиологическая перспективизация как инструмент дискурсивного конструирования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2020. № 4 (54). С. 144–152.

32. Казыдуб Н.Н. Когнитивно-прагматическое моделирование культурно-языковых контактов // Казанская наука. 2019. № 6. С. 111–113.

33. Карасик В.И. Лингвокультурная концептология / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. Волгоград: Парадигма, 2009. 115 с.

34. Карасик В.И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности). Концепты. Вып. 2. Архангельск, 1997. С. 156–158.

35. Клюев Ю.В. Уровни, модели, элементы публичного дискурса: коммуникативный подход // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. № 4-2. С. 331–338.

36. Коровина И.В. Соотношение понятий «знак», «референт», «денотат» и «концепт» как основных элементов референции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2010. № 4: в 2-х ч. Ч. 1. С. 332–336.
37. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭП, 2008. 320 с.
38. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. №. 1. С. 5–12.
39. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
40. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
41. Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 521 с.
42. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
43. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 258 с.
44. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
45. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
46. Льюис Ричард Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. 2-е изд. М.: Дело, 2001. 448 с.
47. Магировская О.В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя //

Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 105–114.

48. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. *Landeskunde durch die Sprache*. Лингвострановедческий словарь. М.: Русские словари, 2000. 416 с.

49. Марчук Ю.Н. Методы моделирования перевода. М.: Наука, 1985. 202 с.

50. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Учебник для филологических специальностей вузов. М.: Высш. шк., 1987. 272 с.

51. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

52. Медведева Т.С. Ценности немецкого народа: история и современность // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 3: История и филология. С. 130–134.

53. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

54. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.

55. Москвин В.П. Русская метафора: семантика, структура, функциональная классификация. Волгоград: Перемена, 1997. 91 с.

56. Никишина И.Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. С. 5–7.

57. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

58. Опрос: большинство немцев с оптимизмом встречают 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/opros-bolshinstvo-nemcev-s-optimizmom-vstrechajut-2022-god/a-60260213> (дата обращения: 24.01.2022).

59. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 227 с.

60. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография / Ю. И. Детинко, Л. В. Куликова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 168 с.
61. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2003. 60 с.
62. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. 170 с.
63. Представления россиян о будущем страны через 20 лет [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Budushchee/13169> (дата обращения: 24.01.2022).
64. Путилина Л.В., Нестерова Т.Г. Подходы и методы исследования концепта «богатство» в отечественной лингвистике // Вестник ОГУ, 2014. №11. С. 111–116.
65. Серебренникова Е.Ф. Текст и дискурс: на пути формирования методологии и инструментария лингвистического аксиологического анализа // Дискурсивное проявление и коммуникативная практика: сборник научных статей в честь доктора филологических наук, профессора Л.Г. Викуловой / под общ. ред. Е.Г. Таревой. М.: МГПУ: Языки Народов Мира, 2017. С. 34–45.
66. Сорокина А.В. Основы делового общения. М.: Феникс, 2004. 224 с.
67. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки славянских культур, 1997. 825 с.
68. Сусов А.А. Понятие vs. Концепт // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 4. Тверь, 2003. С. 3–10.
69. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 7–8. М.: Правда, 1984. 924 с.
70. Хорина Г.П. Ценности русской культуры в условиях цивилизационного кризиса // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 6. С. 16–26.

71. Худякова О.С. Уровни ориентирующего воздействия специфических языковых структур и единиц в китайскоязычной блогосфере // Научный диалог. 2012. №. 3. С. 138–160.
72. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003. 194 с.
73. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2009. 292 с.
74. Шварц Ш. Ценностные приоритеты и поведение: применение теории интегрированных систем ценностей. Психология ценностей: Симпозиум в Онтарио. Хиллсдейл, Нью-Джерси: Эрлбаум, Т. 8. 1996. С. 1–24.
75. Шевченко Е. В. Ориентирующее коммуникативное воздействие в телевизионном институциональном дискурсе (на материале российских, американских и британских ток-шоу): дис. Улан-Удэ, 2018. 201 с.
76. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
77. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М.: Энергия, 1980. 152 с.
78. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 88–98.
79. Энциклопедический словарь. Философия / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
80. Эпштейн О.В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 20 с.
81. Barrett R., Clothier Ph. The United Kingdom values survey: Increasing happiness by understanding what people value. 2013. 44 p.

82. Blair Defines «British Values» [Электронный ресурс] URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/693591.stm (дата обращения: 24.12.2020).
83. Christie A. Death on the Nile. New York: HarperCollins Publishers, 2001. 256 p.
84. Die geteilte Vergangenheit: Zum Umgang mit Nationalsozialismus und Widerstand in beiden deutschen Staaten / hrsg. von Jürgen Danyel. Berlin: Akad. Verl., 1995. 266 s.
85. Eliot G. The Mill on the Floss. Empire Books, 2012. 346 p.
86. Eliot T.S. Little Gidding. London: Faber and Faber, 1942. 16 p.
87. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
88. Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. London: Sage Publications, 1981. 224 p.
89. Hall E.T. Beyond Culture. Garden City, New York: Anchor Press, 1976. 256 p.
90. Heine B. Cognitive foundations of grammar. New York: Oxford University Press, 1997. 200 p.
91. Hoffman E. Lost in Translation: A Life in a New Language. London: Penguin Books, 1990. 288 p.
92. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. P. 500–502.
93. Judge A. Future coping strategies beyond the constraints of proprietary metaphors, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.laetusinpraesens.org>. (дата обращения: 12.03.2021).
94. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
95. Locke J. An essay concerning human understanding. Ed. A.C. Eraser. Oxford: Clarendon, 1959. 776 p.

96. Lustig M.W., Koester J. Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures. 6th Edition. London: Pearson, 2009. 388 p.
97. Minsky M.A. framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding. N.Y.: Gruyter, 1980. P. 1–25.
98. Most Britons pessimistic about their immediate future, survey finds [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/08d13d12-2a96-4020-88c9-eb5fb666559a> (дата обращения: 24.01.2022).
99. Olson D.R., Bialystok E. Spatial cognition: the mental representation of objects and forms // Knowledge and representation. London, 1982. 292 p.
100. Pace D.K. Ideas about simulation conceptual model development // Johns Hopkins APL technical digest. 2000. T. 21. №. 3. С. 327–336.
101. Pinker S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2007. 576 p.
102. Sapir E. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality. Ed. David Mandelbaum. Berkeley: University of California Press, 1986. 632 p.
103. Schank R, Abelson R. Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977. 248 p.
104. Shore B. Culture in Mind: Cognition, Culture, and the Problem of Meaning. Oxford: OUP, 1998. 428 p.
105. Stronach I., Frankham J. Fundamental British Values: What's Fundamental? What's Value? and What's (Now) British? // International Review of Qualitative Research. 2020. № 13. P. 9–22.
106. The golden thread that runs through our history [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2004/jul/08/britishidentity.economy> (дата обращения: 24.12.2020).
107. What are British values? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/feb/03/what-are-british-values-google> (дата обращения: 05.02.2022).

108. Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York: Wiley, 1956. 278 p.
109. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford University Press, 1997. 317 p.
110. Wuthnow R. Vocabularies Of Public Life. London: Routledge, 1992. 280 p.
111. Zeidenitz S. The Xenophobe's Guide to the Germans. London: Oval Books, 1999. 64 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. 864 с.
2. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2003. 1584 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 2310 с.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1992. 960 с.
6. Cambridge Learner's Dictionary. Cambridge: CUP, 2012. 890 p.
7. Collins Dictionary and Thesaurus of the English Language. N.Y.: HarperCollins Publishers, 2011. 1344 p.
8. Dieter G., Gunther H., Wellmann H. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin: Langenscheidt, 2008. 1312 s.
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/wb/Zukunft> (дата обращения: 07.10.2020).
10. Duden – Die deutsche Sprache. Wörterbuch in drei Bänden. Berlin: Bibliographisches Institut, 2013. 2400 s.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Pearson Education, 2010. 2224 p.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London: Macmillan Education, 2007. 1854 p.
13. Merriam-Webster's Advanced Learner's Dictionary. Springfield: Merriam-Webster, Inc., 2008. 2032 p.
14. Oxford Languages [Электронный ресурс]. URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-en/> (дата обращения: 06.11.2020).

15. Pierer H.A. Pierer's Universal-Lexicon der Vergangenheit und Gegenwart oder Neuestes encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Kunst und Gewerbe. Verlagsbuchhandlung von H. A. Pierer, 1889. 843 s.

16. Vorgrimler H. Neues Theologisches Wörterbuch. Freiburg: Verlag Herder, 2008. 704 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. 108-я сессия Международной конференции труда [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/36975/> (дата обращения: 14.10.2020).
2. Министр просвещения Сергей Кравцов — об итогах 2021 года, идеальной школе и реформах в подготовке педагогов [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1271364/veronika-kulakova/nichto-i-nikогда-ne-zamenitlichnogo-kontakta-detei-s-uchitelem> (дата обращения: 18.04.2022).
3. Михаил Мишустин принял участие в работе международного форума «Цифровое будущее глобальной экономики» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/41467/> (дата обращения: 28.02.2021).
4. Мишустин показал, как будет выглядеть будущее налогоплательщиков [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200131/1564089991.html> (дата обращения: 11.02.2021).
5. Разговор с Дмитрием Медведевым [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/38520/> (дата обращения: 14.10.2020).
6. Bundestag - Debatte über 30 Jahre Deutsche Einheit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/bundestag-debatte-30-jahre-deutsche-einheit-100.html> (дата обращения: 12.10.2020).
7. Coronavirus: Boris Johnson says crisis will be over by this time next year [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/boris-johnson-conservative-conference-speech-coronavirus-b834381.html> (дата обращения: 18.11.2020).
8. Gespart wird an Dingen, die sich erst in der Zukunft auswirken. Fatal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article215550636/Brinkhaus-Gespart-wird-an-Dingen-die-sich-erst-in-Zukunft-auswirken-Fatal.html> (дата обращения: 18.11.2020).
9. So stellt sich Laschet die Zukunft der CDU vor – und von Deutschland [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stern.de/amp/politik/deutschland/so->

stellt-sich-laschet-die-zukunft-der-cdu-vor---und-von-deutschland-30457164.html
(дата обращения: 07.04.2021).

10. Tony Blair speech on the future of Labour and progressive politics: full text [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/uk/2019/12/tony-blair-s-speech-future-labour-and-progressive-politics-full-text> (дата обращения: 10.01.2021).

11. Tony Blair: I've Always Been an Optimist. But for the First Time Ever I'm Troubled About the Future [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/collection/great-reset/5900762/tony-blair-concerned-future/> (дата обращения: 25.03.2021).

12. Tony Blair: The Future of Britain in an Era of the Three Revolutions [Электронный ресурс]. URL: <https://institute.global/tony-blair/tony-blair-speech-future-britain-era-three-revolutions> (дата обращения: 03.02.2022).

13. U.K.'s Johnson Refuses to Rule Out Further Covid-19 Lockdowns [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-08/u-k-s-johnson-refuses-to-rule-out-further-covid-19-lockdowns> (дата обращения: 24.04.2022).

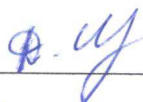
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
 О.В. Магировская
« 20 » июня 2022 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА
БУДУЩЕГО: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

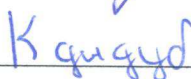
45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

Д.А. Сергеева

Научный руководитель

д-р филол. наук, проф.
Н.Н. Казыдуб

Нормоконтролер

Я.М. Янченко

Красноярск 2022